

ESTICA

A-10376

О ПРОТЕСТАНТСТВѢ

ВЪ СРАВНЕНИИ

СЪ ПРАВОСЛАВІЕМЪ.

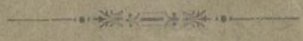
Размышленіе одного протестанта.

ПЕРЕВОДЪ СОЧИНЕНІЯ:

„Der protestantische Standpunkt;

Bedenken eines Protestanten.“

РИГА.

Типографія Л. Бланкенштейна, Ткацкая улица д. № 13.

—
1889.

Г-533.

А-10376

ПР. А. ВРЯНЦЕВЪ

О ПРОТЕСТАНТСТВѢ

ВЪ СРАВНЕНИИ

съ православіемъ.

Размышленіе одного протестанта.

512.

ПЕРЕВОДЪ СОЧИНЕНІЯ:

„Der protestantische Standpunkt;

Bedenken eines Protestanten.“

РИГА.

Типографія Л. Бланкенштейна, Ткацкая улица д. № 13.

1889.

A. 193

4339006 T

Печатать позвол. 5 Ноября 1888 г. Цензоръ, Каѳедральн. Протоіерей В. Инязевъ.

Отдѣльный оттискъ изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1888 г.

Предисловіе.

О предлагаемомъ сочиненіи о протестантствѣ въ „Извлеченіи изъ“ всеподданнѣйшаго отчета г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1870 годъ“ (стр. 218. Сиб. 1871.) сдѣланъ слѣдующій отзывъ.

Въ 1870 году вышла въ Берлинѣ книга подъ заглавіемъ: „Der protestantische Standpunkt; Bedenken eines Protestanten“, представляющая собою одно изъ первыхъ проявленій сочувствія къ православной церкви въ средѣ германскаго протестантства, которое, гордясь своею богословскою ученостію и все болѣе и болѣе вдаваясь въ разныя отрицательныя воззрѣнія, доселѣ относилось съ полнымъ равнодушіемъ, если не сказать, небреженіемъ, къ православію и было далеко отъ мысли искать себѣ въ немъ свѣтъ истины. Вопреки сему, авторъ названнаго сочиненія, отрѣшившись отъ предразсудковъ своихъ единовѣрцевъ, высказываетъ глубокое убѣжденіе, что протестантство, при всемъ своемъ блестящемъ научномъ развитіи, въ дѣлѣ религіозныхъ вѣрованій должно признать неправоту свою предъ православіемъ и въ немъ искать для себя свѣта и опоры, дабы неподвергнуться крайнему разложенію и окончательно не отрѣшиться отъ христіанской почвы. Онъ сравниваетъ протестантское ученіе съ православнымъ въ самыхъ существенныхъ пунктахъ ихъ взаимнаго разногласія и вездѣ показываетъ превосходство православнаго догмата предъ протестантскимъ, — не только въ отношеніи богословскомъ, но и въ отношеніи практическомъ, со стороны вліянія на религіозно-нравственную жизнь христіанскаго народа. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ книги сочинитель

отзывается съ большимъ уваженіемъ о замѣчательныхъ русскихъ богословахъ: приснопамятномъ святителѣ, Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ, также архіепископѣ Литовскомъ Макаріи, и приводитъ выдержки изъ ихъ догматическихъ сочиненій.

Какъ такое замѣчательное разсужденіе протестанта о протестантствѣ въ духѣ православной греко-восточной церкви, означенное сочиненіе (кромѣ предисловія и 7-й статьи: „Aussicht in die Zukunft“⁽¹⁾) съ нѣмецкаго языка на русскій перевелъ бывшій настоятель посольской церкви въ Берлинѣ, магистръ богословія, протоіерей Тарасій Серединскій.

Протестантская точка зрѣнія.

Размысленія одного протестанта.

„Надежало скорѣе все потерять, чѣмъ раздѣлить церковь Божію. Было-бы стоило же славно сдѣлаться мученикомъ за то, чтобы церковь пребыла безъ раскола и раздѣленія, какъ и за то, чтобы не поклоняться идоламъ, и даже еще славнѣе, по моему мнѣнію. Ибо въ послѣднемъ случаѣ каждый претерпѣваетъ мученичество за собственную свою душу, а въ первомъ за всю Церковь“. Діонисій Александрійскій въ посланіи къ Новату. (Евсев. Ц. Ист. ч. I, кн. VI. гл. 45).

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ.

Кто серьезно и съ любовію предавался изученію христіанской древности и слѣдилъ за тѣми свѣтлыми началами, съ какими явилось на землѣ Царство Христово, кто право взвѣшивалъ умомъ, какъ сѣмя, посеянное на Голгоѣѣ и произросшее въ Сіонской горницѣ въ Иерусалимѣ, развило свои прекрасные плоды чрезъ кровавое крещеніе въ продолженіе гоненій, и затѣмъ принималъ во вниманіе настоящее состояніе Церкви Христовой, какъ она раздѣлилась на вѣроисповѣданія, относящіяся другъ къ другу болѣе или менѣе враждебно, какъ распалась на секты и въ ней получили мѣсто воззрѣнія, угрожающія подкопать самое основаніе христіанства,—тотъ могъ бы, конечно, съ пр. Іереміею воскликнуть: О, кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ! я плакалъ-бы день и ночь о пораженныхъ дщери народа моего. (IX. 1.). Въ самомъ дѣлѣ, не малое испытаніе для вѣры всякаго искренняго христіанина—видѣть такой оборотъ вещей и однакожъ не усумниться въ обѣтованіяхъ Божественнаго Учителя! Справедливо въ полномъ удивленіи нужно спросить себя: какъ могла произойти такая перемѣна? Какъ случилось, что могла до этаго Церковь, которую основалъ на землѣ Сынъ Божій, за которую онъ положилъ свою душу, которую (церковь) Онъ снабдилъ даромъ Святаго Духа?

Рѣшеніе этой печальной загадки мы должны искать въ длинномъ рядѣ человѣческихъ ошибокъ, которыя, какъ звенья роковой цѣпи, непрерывно сѣплялись между собою и хотя церковь превозмогала во внѣшнемъ приращеніи, но это приращеніе не укрѣпляло ея внутренней жизни. Пока висѣлъ надъ нею мечъ гоненія, до тѣхъ поръ Духъ Божій не переставалъ проникать ея своимъ живымъ дуновеніемъ и открывался въ многообразныхъ дарованіяхъ. Послѣдователи, пріобрѣтенные тогда церковью, были искренни, ибо они знали впередъ, что, со вступленіемъ въ христіанское общество, они должны были пожертвовать всеми земными удовольствіями, дабы получить вѣнецъ вѣчной жизни чрезъ гоненія и смерть. Если возникали въ ихъ средѣ лжеученія, церковь скоро преодолевала ихъ, потому что все ея пастыри, силою святаго Духа, вѣрно исполняли должность стражей, и самое лжеученіе находило слишкомъ мало почвы для того, чтобы могло значительно распространиться. Но послѣ того, какъ церковь Христова, въ награду за свое безмолвное терпѣніе и свою твердую вѣру, одержала побѣду надъ язычествомъ, послѣ того, какъ она, вмѣстѣ съ внѣшнимъ миромъ, достигла и внѣшняго блеска и уваженія, измѣнилось ея внутреннее состояніе. Съ этаго времени въ нѣдра церкви стали входить цѣлыя массы мало пробужденныхъ элементовъ, безъ полного убѣжденія, потому что открытое исповѣданіе христіанства не было уже болѣе лозунгомъ къ позору и гоненіямъ, но скорѣе обѣщало уваженіе и земныя выгоды. Главы государства, въ которыхъ церковь думала найти своихъ покровителей, довольно часто дѣлались ея притѣснителями, и лжеученія тѣмъ болѣе распространялись, тѣмъ труднѣе преодолевались, что именно въ главѣ государства нерѣдко находили для себя самую сильную поддержку. Вотъ отчего происходило, что ревность къ вѣрѣ у большинства охлаждѣвала, что, при внѣшнемъ мирѣ церкви, сердца многихъ предавались земнымъ интересамъ, ожиданіе временнаго благоденствія мало по малу помрачало надежду вѣчной жизни, бдительность усыплялась, духовная сила и доблесть въ борьбѣ все болѣе и болѣе ослабѣвали, и то, что началось духомъ, грозило кончиться плотію. (Гал. III, 3). Несмотря на это, Духъ Божій не отступалъ отъ своей

церкви. Онъ поставлялъ для себя стражей, вѣрно охранявшихъ его святилище, доблестно и благоуспѣшно, словомъ и писаніемъ противодѣйствовавшихъ плотскому мудрованію, какъ и всѣмъ лжеученіямъ. Теперь именно настала часъ вѣрно сберечь и добросовѣстно сохранить то, что перешло отъ времени свѣжей духовной жизни. Церковь вступала въ новую фазу существованія. Чрезвычайныя дѣйствія Святаго духа, Его чудесныя дары сдѣлались достояніемъ немногихъ и царство Божіе предоставлялось медленному, болѣе естественному развитію. Собирались вселенскіе соборы, чтобы преданному ученію дать твердое, опредѣленное, недвумысленное выраженіе, которое могло-бы обезпечить его правильное пониманіе и предохранить отъ ложнаго изъясненія недобросовѣстныхъ лжеучителей. Вмѣстѣ съ этимъ, чрезъ каноническія постановленія устроилась и вѣшняя жизнь церкви и чрезъ это сохранялось ея единство въ ученіи и въ устройствѣ. Такимъ образомъ цѣлыя вѣка она была еще единою, святою, соборною и апостольскою церковью, заботливою воспитательницею народовъ и вѣрною матерью своихъ вѣрныхъ чадъ. Но ея единство должно было сломиться, и что не удавалось плотскому мудрованію, умствующей лжемудрости, то должно было удался духовному высокоумію и властолюбію.

Изъ Рима вышло это раздѣленіе. Уваженіе, въ какомъ издавна была у христіанъ Римская община, преимущество чести, которое безмолвно было уступлено римскому епископу, уже рано возбудили въ епископахъ Рима стремленіе присвоить себѣ и преимуществу власти и принять въ церкви положеніе третейскаго судьи. Хотя эти притязанія встрѣчали рѣшительное и заслуженное прекословіе, и Римъ въ теченіе вѣковъ долженъ былъ преклоняться предъ коллективнымъ авторитетомъ всей церкви; но попытки освободиться отъ него повторялись безпрестанно, между римскими епископами находились личности, сумѣвшіе дать этимъ притязаніямъ особенный вѣсъ, политическій обликъ римской имперіи благопріятствовалъ этимъ притязаніямъ, и такимъ образомъ произошло наконецъ то, что Римъ и подчиненныя ему, какъ патріаршей каѳедрѣ, церкви отторглись отъ вселенской церкви и отказались отъ общенія съ нею. Сколько-бы пользы

римскія патріархи принесли церкви, какимъ бы благословеніемъ они могли сдѣлаться для нея, если-бы не были убиты духовною гордостію и властолюбіемъ! Конечно, не безъ благопромыслительной воли Божіей долею ихъ было преимущество чести, которое единогласно воздавала имъ церковь, равно какъ и важное положеніе, которое заставилъ ихъ вполсѣдствіи принять политическій обликъ вещей. При мудромъ и безкорыстномъ пользованіи этимъ преимущественнымъ положеніемъ, они могли-бы, какъ херувимы, прикрывать права церкви предъ государственною властью и ограждать ихъ отъ всѣхъ ея захватовъ и некомпетентныхъ вмѣшательствъ. Не безъ основанія къ папскому Риму можно отнести то, что пр. Іезекииль говоритъ о Тирѣ: Ты печать совершенства, полнота мудрости и вѣнецъ красоты. . . . Ты былъ помазаннымъ херувимомъ. . . . Ты былъ на святой горѣ Божіей, ходилъ среди огнистыхъ камней. Ты совершенъ былъ въ путяхъ твоихъ, со дня сотворенія твоего, доколѣ не нашлось въ тебѣ беззаконія (XXVIII, 12. 14—15). Къ сожалѣнію, беззаконія папства нашлись очень скоро и тѣ-же самыя, въ какихъ Іезекииль упрекаетъ князя Тирекаго: Вознеслось сердце твое, ты говоришь: «я богъ, возсѣдаю на сѣдалищѣ божіемъ, въ сердцѣ морей», и, будучи человекомъ, а не Богомъ, ставишь умъ твой наравнѣ съ умомъ Божіимъ (XXVIII, 2). Не довольствуясь тѣмъ, чтобы содержать церковный авторитетъ сообща съ прочими христіанскими епископами, римскіе епископы непрерывно стремились къ тому, чтобы всю церковь подчинить одному своему авторитету, хотѣли быть главою церкви и слѣдовательно присвоили себѣ преимущество, принадлежащее одному Христу, который Одинъ и управляетъ церковью чрезъ св. Духа, посредствомъ поставленныхъ отъ Него органовъ—пастырей и учителей. Чрезъ это они предвосхищали и божескую честь и сердце ихъ вознеслось, какъ сердце Божіе. И, такъ какъ церковь возстала противъ этихъ притязаній высокоумія, такъ какъ она отвергла единоподержавныя вожделѣнія Рима, то папскій Римъ отдѣлился отъ вселенской церкви, отлучилъ себя отъ ея общенія, бросилъ на нее анаѣму. Но эта

анаѳема пала обратно на самый Римъ и хотя медленно, но неминуемо влечетъ за собой наказаніе, предреченное Іезекілемъ (XXVIII, 6—10).

Разъ вступивъ на гибельный путь, папство послѣдовательно двигалось все далѣе и нарушивъ основанное на преданіи устройство церкви, коснулось и ея догматовъ, измѣнило ихъ по своимъ цѣлямъ, даже установило новыя догматы, о которыхъ ничего не знала Церковь Христова и, вмѣсто того, чтобы созидать на землѣ царство Божіе, преслѣдовало съ удивительнымъ впрочемъ терпѣніемъ только одну цѣль: все крѣпче утверждать папскую власть. Духовная патріаршая кафедра стала царскою курією и, вмѣстѣ съ свѣтскою властью и славой, въ нее вошли все пороки, находившіе нерѣдко въ самомъ папѣ своего главнаго представителя. Папскій Римъ унаслѣдовалъ все властительство языческаго Рима и, для совершеннаго сходства, повторилъ даже вкраткѣ гоненія языческаго Рима на христіанъ, подавивъ огнемъ и мечемъ всякое живое движеніе свѣжей, евангельской жизни и заставивъ молчать всякій прямодушный голосъ, осмѣлившійся подняться противъ незаконныхъ притязаній римской куріи. Такимъ образомъ, съ желѣзною силою онъ господствовалъ надъ совѣстями и самымъ своимъ непреклоннымъ деспотизмомъ вызвалъ реакцію, которая, по крайней мѣрѣ для большей части западныхъ христіанъ, разорвала узы его деспотизма и нанесла ему самую чувствительную рану, каковую когда-либо онъ получалъ.

Эту реакцію произвело въ XVI в. сильное движеніе умовъ, называемое реформаціею. Вѣчныя истины спасенія, вызванныя Лютеромъ въ міръ, нашли себѣ благопріятный и громкій отголосокъ въ тысячахъ христіанскихъ сердецъ, принявшихъ оныя тѣмъ съ большою жадностію, что Римъ такъ долго лишалъ алчущія души хлѣба жизни, подобно тому, какъ сухая почва жадно всасываетъ въ себя дождь, даруемый ей благословеніемъ небеснымъ, послѣ того какъ выжестъ ее солнечный зной. Слабыя стороны Рима были неумолимо раскрыты, почти уже забытая истина была съ одушевленіемъ привѣтствуема тысячами и движеніе умовъ, неудержанное никакими мѣрами разгнѣваннаго Рима, казалось, возвѣщало западнымъ христіанамъ день спасенія, день

возрожденія. Но исполнила ли реформація эти ожиданія? Уничтожила ли она только злоупотребленія папства и возвратила ли Церковь Христову къ ея первобытной чистотѣ? Хотя протестанство утверждаетъ это со всею серьезностію, однакожъ безпристрастное и добросовѣстное изслѣдованіе христіанской древности должно привести къ другимъ результатамъ, и должно показать не несущественныя разности между протестантскою и первобытною церковію. Если я теперь чувствую себя вынужденнымъ на слѣдующихъ страницахъ выставить нѣкоторыя изъ этихъ разностей и высказать много серьезныхъ сомнѣній относительно сообразности протестантской церкви съ первобытною, то я желаю однако, для предупрежденія всякаго недоразумѣнія, здѣсь напередъ откровенно заявить, что я весьма далекъ отъ того, чтобы не признавать великихъ благодѣній, оказанныхъ христіанамъ реформаціей вообще и въ цѣломъ. Добросовѣстно выведенная на свѣтъ истина никогда не останется безъ благотворныхъ дѣйствій и съ неизмѣннымъ блескомъ освѣщаетъ всякое, не закрывающееся передъ нею, сердце. Только, стараясь примѣнить истину къ своей жизни и по ней установить свое поведеніе, человѣкъ можетъ сдѣлать ошибки, которыя однакожъ не должны быть вмѣнены самой истинѣ, но должны быть отнесены къ человѣческой близорукости или человѣческой страстности. Что и дѣло реформаціи не избавилось отъ этихъ послѣдствій человѣческой немощи, что избранныя средства не всегда соотвѣтствовали благимъ намѣреніямъ, и что человѣческая страстность весьма часто выходила изъ границъ, — этого не станеть отвергать никакой безпристрастный умъ.

Реформація не была результатомъ расчета, сообразнаго съ планомъ. Прибивъ свои тезисы къ церковной двери въ Виттенбергѣ, Лютеръ былъ весьма далекъ отъ того, чтобы предчувствовать, что его дѣло будетъ первымъ шагомъ къ церковному расколу. Признанная, громко и безбоязненно высказанная имъ истина подѣйствовала на всѣ слои населенія, какъ горячее вещество. Сильное духовное пробужденіе прошло по Германіи. Вѣчныя истины спасенія, отодвинутыя постановленіями Рима на второй планъ, представились сердцамъ съ обновленною живостію

и пробудили въ нихъ духовныя потребности, требовавшія удовлетворенія, которыхъ однакожь Римъ никакъ не думалъ удовлетворять. Но именно, не желая принять въ расчетъ законныхъ притязаній, не желая признать своего собственнаго долга, гордо отвергая всякое справедливое требованіе ищущихъ спасенія душъ, онъ направилъ движеніе на такія пути, которые, уклоняясь отъ законной нормы, должны были не довести до вѣрной цѣли.

Законный путь къ рѣшительному преобразованію церкви, къ уничтоженію усилившихся въ теченіи вѣковъ злоупотребленій и преступленій, заключается только во вселенскомъ и свободномъ соборѣ, дѣятельность котораго не стѣсняется никакими предѣлами, но передъ совокупнымъ авторитетомъ котораго долженъ преклониться потомъ всякій,—или же это преобразование можетъ быть совершенно божественными посланниками, вдохновенными отъ Святаго Духа и дѣйствующими съ пророческою и апостольскою силою. Но съ одной стороны соборъ, даже еслибы папа соизволилъ на него, не могъ бы быть свободнымъ, потому что коллективный авторитетъ въ западной церкви давно погибъ и поглощенъ былъ деспотизмомъ римскихъ епископовъ,—а съ другой стороны въ реформаторскомъ движеніи не доставало и такого рода личностей, ибо, хотя въ главѣ его и стояли благочестивые и даровитые мужи, но они не имѣли свидѣтельства пророческаго или апостольскаго призванія.

При такихъ обстоятельствахъ для реформаторскаго движенія, если оно хотѣло остаться въ законныхъ границахъ, открывались только два пути. Оно должно было или просто твердо держаться признанной истины и радостно исповѣдывать ее, въ продолженіе всѣхъ гоненій, съ увѣренностію, что эта истина, побѣдившая языческій Римъ въ IV вѣкѣ, можетъ конечно одержать побѣду надъ папскимъ Римомъ и въ XVI вѣкѣ,—или же возвратиться къ вселенской церкви, отъ которой Римъ отторгся въ IX вѣкѣ, и которая, хотя отягощена поруганіемъ и издѣвательствомъ запада и хотя воздыхаетъ подъ жесткимъ игомъ невѣрныхъ, однакожь осталась вѣрною въ преданномъ ей отъ отцевъ ученіи. Къ этой-то церкви могло бы возвратиться реформатор-

ское движеніе и соединиться какъ Греко-Германская церковь, подобно тому какъ Россія, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, установилась какъ Греко-Россійская церковь.

Реформація не избрала ни одного изъ этихъ обоихъ путей. Первый путь заслонило ей покровительство, найденное ею сначала у свѣтскихъ властей; отъ втораго пути она сама отвернулась, привыкли смотрѣть на восточную церковь только чрезъ очки римскихъ предубѣжденій и клеветъ. Сверхъ сего, злоупотребленія Рима для реформаторовъ были такъ ненавистны, что, по ихъ мнѣнію, не должно было удерживать ничего такого, что, хотя бы только самымъ отдаленнымъ образомъ, напоминало эти злоупотребленія, и изъ чего многое, казалось имъ, содержитъ восточная церковь. Впрочемъ, это произошло только отъ того, что они не достаточно различали злоупотребленіе отъ законнаго употребленія, и первое для нихъ закрывало или бросало тѣнь подозрѣнія на послѣднее. И это было тѣмъ легче, что заблужденія и нововведенія римской церкви возникли не въ одинъ день, но въ своемъ медленномъ вѣковомъ ходѣ развитія имѣли, однако, для своего основанія неоспоримыя истины, изъ которыхъ онѣ мало по малу развились, — только къ сожалѣнію, какъ дикіе отпрыски. Такъ, ученіе о чистилищѣ есть искаженіе древне-каволической практики молиться за усопшихъ братій; самое присвоенное папою могущественное властительство есть только достойное порицанія преувеличеніе того уваженія, какое раздѣлялъ епископъ римскій съ всеѣмъ прочимъ епископствомъ; индульгенція есть корыстолюбивое нововведеніе, думающее опереться на переданную церкви апостольскую власть ключей. Что отняли чашу у мірянъ, это есть только неправое разширеніе древней практики пренодавать св. Дары, больнымъ, причащающимся въ своихъ домахъ, только подъ видомъ хлѣба. Безбрачіе священниковъ произошло отъ того, что сдѣлали закономъ, обязательнымъ для всеѣхъ, добровольный евангельскій обѣтъ нѣкоторыхъ. Запрещеніе чтенія священнаго писанія, — какъ преувеличенная боязливость, — возникло изъ благоразумія древле-каволической церкви, посредствомъ котораго она старалась препятствовать злоупотребленію личнаго толкованія писанія и т. д.

Но гдѣ заблужденіе такъ близко закрываетъ истину, тамъ несравненно труднѣе видѣть ее, и при реформаторскихъ попыткахъ весьма легко впасть въ опасность сдѣлать или весьма много или весьма мало. Отъ этого-то произошло, что реформаторы, для которыхъ роковое сдѣленіе обстоятельствъ заградило или заперло законные пути, вступили на путь самопомощи и поле церкви смѣлою рукою очистили отъ всего того, что имъ казалось плевелами. Черезъ это они отстали отъ Рима, но не пристали туда, гдѣ началось заблужденіе Рима, и гдѣ онъ отпалъ отъ вселенской церкви, а помимо всего историческаго развитія церкви, основали свое церковное общество на такомъ принципѣ, который, при всей кажущейся досточтимости, заключаетъ одна-кожъ въ себѣ зародышъ разложенія и, — какъ свидѣтельствуешь трехвѣковой опытъ, — мало по малу дѣйствительно ведетъ къ разложенію. Теперь обратимъ вниманіе сперва на этотъ принципъ и потомъ посмотримъ, какой обликъ подъ его вліяніемъ приняло вѣроученіе и богослуженіе въ протестантской церкви и какія послѣдствія произошли отъ него для дальнѣйшаго существованія того и другаго.

II. СВЯЩЕННОЕ ПИСАНІЕ И СВЯЩЕННОЕ ПРЕДАНІЕ.

Формальнымъ принципомъ протестантства служить основное положеніе: считать Священное Писаніе (именно Новый Завѣтъ) единственнымъ и достаточнымъ источникомъ какъ ученія, такъ и устройства Церкви. Среди Церкви, отступившей черезъ подложныя преданія отъ простоты Евангелія, нашедши истинное познаніе и миръ своихъ душъ въ Священномъ Писаніи, реформаторы естественно цѣнили Священное Писаніе выше всего; этимъ также объясняется то, какъ они могли приписать ему такое значеніе, какового оно не имѣетъ. Благосклонный читатель пусть не найдетъ страннымъ, что я, какъ христіанинъ, смѣю не признавать вседостаточности свящ. Писанія, и пусть нисколько не сомнѣвается въ томъ благоговѣніи, которое я долженъ воздавать и воздаю ему, отъ всей души, какъ Слово жизни. Дѣло идетъ

только о томъ, чтобы чрезъ подробное изслѣдованіе найти правильное взаимное отношеніе между Св. Писаніемъ и Церковью.

Прежде всего должно замѣтить, что Церковь Христова основана не чрезъ Писаніе, но чрезъ живое слово Господа и Его апостоловъ и сохранила свой твердый обликъ и организацію чрезъ устное Преданіе. Воспослѣдовавшее гораздо позже написаніе книгъ Новаго Завѣта было совершенно случайное, хотя тѣмъ не менѣе благопромыслительное. Евангелисты и апостолы написали ихъ частію для того, чтобы для памяти позднѣйшихъ родовъ вѣрно сохранить главныя историческія черты изъ жизни Іисуса Христа и изъ первой дѣятельности Его апостоловъ, частію для того, чтобы нѣкоторымъ общинамъ и лицамъ преподавать увѣщанія, или воспротиводѣйствовать возникшимъ въ нихъ ложнымъ направленіямъ. Но церковь была уже отпечатлѣна, какъ готовый организмъ, когда написаны эти книги, и потому онѣ не содержатъ въ себѣ ничего такого, что имѣло-бы отношеніе къ ея образованію, или могло-бы устанавливать и устроить ея формацію. О ней упоминается только тамъ и сямъ совершенно вообще, и притомъ такимъ образомъ, который предполагаетъ этотъ предметъ, какъ уже извѣстный. Сверхъ сего, употребленіе этихъ писаній, въ теченіи долгаго времени, было весьма ограниченное: онѣ были въ обращеніи только между тѣми общинами, для которыхъ были написаны, равно какъ между ближайшими сосѣдними общинами. Около двухъ столѣтій протекло, прежде чѣмъ эти писанія собраны были въ одинъ твердый, округленный канонъ, который мы имѣемъ какъ «Новый Завѣтъ». И самое это собраніе сдѣлано было авторитетомъ по Преданію основанной и по Преданію образованной Церкви, выбравшей изъ находившихся тогда въ обращеніи въ различныхъ общинахъ писаній этого рода только тѣ, которыя согласовались съ историческими фактами, относящимися къ домостроительству спасенія и съ ученіемъ о спасеніи,— какъ они сохранились въ Церкви чрезъ Преданіе,— тогда какъ она отвергла каноническое достоинство другихъ писаній этого рода, не вполнѣ согласовавшихся съ Преданіемъ и отложила ихъ въ сторону, какъ новозавѣтные апокрифы. И такъ подлинность, равно какъ и каноническое достоинство новозавѣт-

ныхъ Писаній контролировались Преданіемъ, и онѣ получили церковное утвержденіе, потому что были согласны и на сколько были согласны съ Преданіемъ. Слѣдовательно относительно ученія о домостроительствѣ спасенія и историческихъ его фактовъ (а не относительно устройства церкви) на Новый Завѣтъ надобно смотрѣть нѣкоторымъ образомъ, какъ на отлитое въ твердые типы, воплощенное Преданіе первобытной Церкви; онѣ вѣренъ грядущимъ родамъ, какъ не отчуждаемое сокровище вѣчной жизни, изъ котораго почерпали и будутъ почерпать благословеніе все послѣдующіе поколѣнія.

Потомъ должно принять во вниманіе, что писанное Слово остается мертвымъ, если содержащійся въ немъ духъ не найдетъ правильнаго изъясненія, и это изъясненіе вѣрено церкви, которая должна руководить имъ, сообразно съ своимъ Преданіемъ, какъ призванная быть хранительницею устнаго Преданія, сообщеннаго и вѣреннаго ей отъ апостоловъ, относительно церковнаго устройства и благочинія, богослуженія и его таинствъ. Писаніе и Преданіе должны безпрестанно себя дополнять *) и контролировать, и Святая задача Церкви—наблюдать за тѣмъ, чтобы первое не было объясняемо ложно и произвольно, а другое не искажалось и не служило къ злоупотребленію.

Въ обоихъ отношеніяхъ нельзя не винить римской Церкви въ великихъ и умысленныхъ погрѣшностяхъ, чрезъ которыя она не только оправдала нападки, но и представила для нихъ открытыя и благопріятныя слабыя стороны. Но такъ какъ движущійся, жидкій элементъ Преданія легко ускользаетъ отъ испытанія

*) Восточная Церковь осталась вѣрно этому правилу. Въ катихизисѣ русской Церкви говорится:

В. Должно-ли соблюдать священное Преданіе и тогда, когда мы имѣемъ священное Писаніе?

О. Должно соблюдать Преданіе съ Божественнымъ откровеніемъ и свящ. Писаніемъ согласное, какъ учить сему само Священное Писаніе. Апостолъ Павелъ пишетъ: тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имъ же научитесь или словомъ или посланіемъ нашимъ 2 Сол. II, 15.

В. Для чего и нынѣ нужно Преданіе?

О. Для руководства къ правильному разумѣнію Свящ. Писанія, для правильнаго совершенія таинствъ и для соблюденія священныхъ обрядовъ, въ чистотѣ первоначальнаго ихъ установленія.

нія, отдѣленіе истиннаго отъ ложнаго въ немъ не исполнимо безъ тщательнаго историческаго изученія, такъ какъ, сверхъ сего, время было настоящее и папство вездѣ выставило многократно поддѣланное для своихъ цѣлей—Преданіе, то съ протестантской стороны въ быстрой рѣшимости было все Преданіе выброшено за бортъ и даже древнему и справедливому въ немъ не дано никакой цѣны. Напротивъ, твердое Слово писанія, которое Римъ все старался ставить на второй планъ, представляло гораздо лучшую и болѣе годную точку опоры для того, чтобы обличить папство въ его притязаніяхъ, нововведеніяхъ и злоупотребленіяхъ, потому оно (Слово писанія), безъ колебанія, было поставлено единственнымъ и неподлежащимъ апелляціи третейскимъ судьей во всѣхъ спорныхъ пунктахъ, даже въ такихъ, въ какихъ оно по справедливости не можетъ имѣть никакого голоса. Впрочемъ, реформаторы такъ исключительно держались принципа Писанія только передъ Римомъ, тогда какъ, при практическомъ установленіи своихъ собственныхъ церковныхъ обстоятельствъ, они не хотѣли или не могли совершенно исключить вліянія Преданія. Не только крещеніе младенцевъ, равно какъ и не многіе богослужебные обряды, которые они сочли нужнымъ удержать, коренятся въ Преданіи, но самъ Лютеръ, въ своихъ преніяхъ съ разномыслящими единовѣрцами, не пренебрегалъ также иногда изъ него заимствовать свои доказательства. Въ строгую систему исключительный принципъ Писанія образовался уже позже, во время сухой ортодоксіи и безконечныхъ и бесполезныхъ богословскихъ пререканій.

Теперь, какое было неминуемое послѣдствіе этого принципа? Послѣ того какъ разломана была крѣпкая ледяная кора человѣческихъ установленій, давившихъ души какъ тяжелый кошмаръ, послѣ того какъ сокрушены были оковы слѣпаго повиновенія деспотизму Рима и Слово Божіе, чрезъ переводъ на народный языкъ, стало доступнымъ для каждаго порознь, послѣ всего этого въ сильно затронутыхъ массахъ пробудилась свѣжая жизнь вѣры. Какъ привѣтствуютъ утреннюю зарю послѣ долгой, въ боязливыхъ ожиданіяхъ проведенной ночи, и какъ предаются ошачливающему чувству безопасности, послѣ того какъ исчезла

вся боязнь и бѣда, такъ съ искреннимъ довѣріемъ открылись сердца для истины, взошедшей на церковномъ горизонтѣ, послѣ долгой ночи суетвѣрія, и повидимому, возвѣщавшей новый день, обѣщавшей лучшее время.

Но къ сожалѣнію, это состояніе одушевленія было не продолжительно. Ясное утреннее небо скоро покрылось облаками, и бури дневныя разогнали надежды, на которыя могло дать право ясное утро. Уже сами реформаторы не могли совершенно согласиться между собою, ихъ образы воззрѣнія на важные догматы далеко расходились и вели къ длиннымъ и непріятнымъ пререканіямъ. Но скоро также явились «мятежники и мечтатели», которые при плотскомъ мудрованіи и необразованномъ умѣ, искали и думали, что нашли въ Священномъ Писаніи оправданіе и для своихъ дикихъ вожделѣній. Конечно, Лютеръ, съ непреклонною строгостію опровергалъ ихъ, но не было-ли это явленіе первымъ горькимъ плодомъ, выросшимъ изъ поставленнаго имъ принципа? Какъ скоро изъясненіе Свящ. Писанія предоставляется разсудку каждаго порознь и его разумѣніе не находитъ регулятивовъ въ церковномъ Преданіи,—гдѣ найти ограду отъ заблужденія, границу противъ произвола фантазіи? Разумѣніе Писанія должно находить нужный регулятивъ въ Преданіи, какъ и Писаніе должно быть постояннымъ коррективомъ Преданія. Съ отверженіемъ же Преданія, протестанство разстроило это спасительное взаимное отношеніе, произвело разрывъ съ первобытною Церковію, оставило весь ея историческій базисъ и повѣсило свой домъ на воздухѣ, гдѣ онъ оставленъ на произволъ теченій всякаго вѣтра!

Если Церковь поставлена носителницею откровенныхъ истинъ, ввѣрены ли онѣ ей письменно или словесно, то она должна быть также посредницею и въ ихъ изъясненіи и разумѣніи, и никто не можетъ безнаказанно освободиться отъ ея авторитета. Церковная исторія представляетъ намъ довольно печальныхъ, но поучительныхъ примѣровъ, какъ личное произвольное пониманіе и изъясненіе какой-либо изъ этихъ истинъ всегда вело къ заблужденію, какъ родились расколы и ереси. Въ первобытной Церкви этотъ авторитетъ не дѣлалъ никакого ущерба свободѣ,

потому что онъ былъ коллективнымъ, и, слѣдовательно, представлялъ полную гарантію противъ всякой односторонности, какъ и съ другой стороны ограничивалъ личную свободу лишь настолько, насколько нужно было, чтобы она не выродилась въ произволь.

Эту гармонію разстроило не менѣе протестантство, какъ и папство, хотя въ противоположномъ направленіи. Папство, поставивъ на мѣсто коллективнаго авторитета свой личный, ввело въ Церковь деспотизмъ и поработило, даже уничтожило всякую личную свободу. Протестантство, напротивъ, отвергнувъ основанный на церковномъ Преданіи коллективный авторитетъ и передавъ его писанному Слову Божію, разрѣшило личную свободу отъ всякой спасительной границы и извратило ее въ необузданный произволь. Теперь разумніе Священнаго Писанія зависятъ совершенно отъ изъясненія личнаго человѣческаго ума, и церковное общество, избравшее Свящ. Писаніе, при такого рода обстоятельствахъ, исключительнымъ принципомъ своего существованія, должно отказаться отъ всякаго единства и едѣлаться игролищемъ самаго безмѣрнаго разнообразія. Весьма мѣтко, хотя въ нѣсколько горькихъ словахъ, говоритъ Овербекъ *): «Такъ (у Лютера) субъективный человѣческій умъ стоялъ съ Библіею и смотрѣлъ также высокоумно на приниженный Римъ, какъ Римъ взиралъ презрительно на хамелеона субъективнаго библейскаго христіанства». Протестанство однако должно будетъ во всякомъ случаѣ согласиться на то, что скрываетъ вопіющія противорѣчія въ своихъ нѣдрахъ. На той же почвѣ, на которой благотворно дѣйствовали сотни вѣрныхъ учениковъ нашего Господа, выросли также безчисленные мечтатели, сектаторы, раціоналисты и наконецъ Штраусъ съ сообщниками. Конечно, элементы лжевѣрія и невѣрія кроются въ нѣдрахъ и другихъ церквей, но тамъ они не выступаютъ открыто, или по крайней мѣрѣ сознаютъ свое безправное положеніе; напротивъ, у насъ т. е. протестантовъ они смѣло поднимаютъ свою голову, и изъ того же принципа, который сочли долгомъ поставить для опроверженія самозваннаго авторитета папства, выводятъ полное

*) Die orthodoxe. § 47.

право для своего существованія. Конечно, реформаторы хотѣли воспрепятствовать этому безпорядку, они сочинили исповѣданія вѣры и символическія книги, которыя—какъ сокращеніе ученія о спасеніи—представляютъ твердую точку опоры для разумнѣя Библіи, и должны были обезпечить Писаніе отъ своевольнаго изъясненія. Но по какому праву могли они ожидать отъ грядущихъ родовъ уваженія къ этимъ символическимъ книгамъ, когда, съ своей стороны, сами отвергли уваженіе къ церковному авторитету христіанской древности и къ каноническимъ опредѣленіямъ вселенскихъ Соборовъ? Какъ реформаторы, исключая авторитетъ первобытной церкви, ссылались предъ Римомъ на одно Писаніе, такъ сектаторы и раціоналисты, исключая авторитетъ реформаторовъ, для поддержанія своей системы, послѣдовательно ссылаются на одно Писаніе. Что для одного право, то для другаго справедливо! Какъ же они могли, спросить, дойти до столь противоположныхъ результатовъ? Весьма естественно. Книга, какъ книга, представляетъ только мертвую букву; ея разумнѣе составляетъ работу читающаго ума и будетъ тогда только правильнымъ, когда умъ читателя соотвѣтствуетъ уму писателя. Сосеть же изъ одного и того же цвѣта пчела медъ и паукъ ядъ. Изъ чего реформаторы почерпали силы вѣчной жизни, изъ того же послѣдующіе роды заимствовали основанія своего заблужденія, и въ протестантскихъ кружкахъ не выдуманно ни одной нелѣпости, которая не утверждала бы, что она находитъ свое основаніе въ Священномъ Писаніи.

Этого реформаторы не предвидѣли и, быть можетъ, даже не могли предвидѣть. Хотя они отвергли церковное Преданіе, однакожь, сами не сознавая, находились еще столько подъ его вліяніемъ, что изъясненіе Священнаго Писанія въ иномъ, а не въ церковно-преданномъ смыслѣ казалось имъ едва-ли возможнымъ. Но ихъ принципъ имѣлъ еще худшее послѣдствіе. Какъ скоро Священное Писаніе было поставлено внѣ связи съ церковнымъ Преданіемъ, какъ скоро оно было отторгнуто отъ толкованія Церкви, ругающейя и за его подлинность, оно (Писаніе) представлялось не только разумнѣю субъективному человѣческаго ума, но и его суду, его критикѣ. Реформаторы, подвергнувъ

устныя преданія Римской церкви не историческому контролю, но своему субъективному сужденію, — которое они основывали, конечно, на Священномъ Писаніи, рѣшительно отвергнувъ только то, что не находило въ немъ полной санкціи, не предчувствовали того, что они чрезъ это подали дурной примѣръ для позднѣйшихъ родовъ, которые нисколько не поколеблются и самое Священное Писаніе—какъ письменное преданіе первобытной церкви—подвергнуть своему субъективному сужденію и острымъ ножомъ критики вырѣзать изъ него все то, чего не нашло состоятельнымъ ихъ мнимо-историческое изслѣдованіе, или что противорѣчило ихъ просвѣщенному разсудку. Наши новые критики чрезъ это, конечно, весьма отделились отъ смысла и духа реформаторовъ, но ихъ принципъ они послѣдовательно удержали и отъ той же самой точки зрѣнія пошли только къ болѣе обширнымъ выводамъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, самъ Лютеръ сдѣлалъ уже начало, высказавъ сомнѣніе въ подлинности посланія ап. Такова, содержаніе котораго онъ не сумѣлъ сначала надлежащимъ образомъ согласить съ своимъ пониманіемъ Павлова ученія объ оправданіи.

Такимъ образомъ мы должны были пережить и то, что протестантскіе христіане въ силу протестантскаго принципа раскритиковали и болѣе или менѣе исказили святое Слово жизни, даже историческіе факты, относящіеся къ домостроительству нашего спасенія, улетучили въ миѣ! Правда, преступныя нападки въ самой протестантской церкви вызвали сильнѣйшее сопротивленіе, развилась сильная духовная борьба, побѣдоносно продолжаемая поборниками истины, такъ что вредъ, причиненный нападеніемъ, могъ быть болѣе или менѣе уравненъ, даже вознагражденъ тѣмъ случаемъ, какой доставляетъ оно истинѣ для новыхъ побѣдъ, такъ какъ оно привлекаетъ на судъ все новыхъ свидѣтелей истины,—но все-таки глубоко постыдно, что невѣріе можетъ такъ распространяться въ протестантской церкви, и думаетъ, что идетъ только по стопамъ реформаторовъ, если дѣлаетъ свою нелѣпую критику святому Слову жизни.

И такъ въ домѣ, который создало для себя протестантство, бокъ о бокъ живутъ и самая искренняя вѣра и самое отъяв-

ленное невѣріе, и оба утверждаютъ, что они—законные жильцы этого дома! Но это необыкновенное и неожиданное явленіе есть естественное слѣдствіе принятаго протестантствомъ принципа. Ибо гдѣ нѣтъ никакого внѣшняго авторитета, тамъ въ послѣдней инстанціи можетъ рѣшать только собственное убѣжденіе, и протестантство, отвергнувъ основанный на Преданіи церковный авторитетъ, должно было послѣдовательно вести, и дѣйствительно привело, къ неограниченному индивидуализму.

III. ЦЕРКОВЬ И БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Церковь есть Самимъ Христомъ основанное учрежденіе, установленное для того, чтобы перевести человѣка изъ состоянія естественнаго въ состояніе благодатное и сохранить его въ семь послѣднемъ. Будучи собраніемъ всѣхъ искупленныхъ Христомъ и принимающихъ вѣрою это искупленіе, она должна стать мало по малу окрѣпшимъ въ себѣ царствомъ Божиимъ на землѣ, тѣмъ горчичнымъ зерномъ, которое Самъ Господь опустилъ въ землю, чтобы изъ него выросло дерево, въ вѣтвяхъ и подъ вѣтвями котораго находятъ защиту и жилище птицы небесныя.

Она утверждена на основаніи Апостоловъ и пророковъ, имѣя Самаго Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ Святый храмъ въ Господнѣ. (Ефес. II, 20, 21). Сообразно съ этимъ высокимъ назначеніемъ она получила твердый составъ членовъ, ибо святой зодчій самъ «поставилъ однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ^{всѣхъ} Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова» (Ефес. IV, 11, 12). И такъ Церковь представляетъ тѣло Христово,— вотъ самое простое и самое мѣткое ея обозначеніе. «Тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ» (I Кор. XII, 14) и какъ отдѣльные члены тѣла, не смотря на ихъ различную природу и отправленіе, всѣ однакожь питаются тою же самою

кровию, оживляются и возбуждаются одними и тѣми же нервными импульсами, такъ и всѣ члены церкви должны находить пищу и жизнь, равно какъ и побужденіе къ своей разнообразной дѣятельности въ той же самой крови Христовой и въ томъ же самомъ дѣйствиі Святаго Духа.

Но тѣло состоитъ изъ органовъ различнаго достоинства и отправленія. Есть въ немъ органы, устрояющіе и управляющіе дѣятельностію всѣхъ прочихъ членовъ, какъ эти въ свою очередь повинутся возбужденіямъ, исходящимъ отъ тѣхъ органовъ всѣже, однако, содѣйствуютъ одному гармоническому цѣлому и взаимно опираются другъ на друга и дополняютъ другъ друга. Такъ и въ церкви. Въ іерархическомъ чинѣ поставлены пастыри и стражи, долженствующіе пасти стадо и сохранять чистое ученіе, какъ стадо опять должно почитать своихъ пастырей и повиноваться имъ, равно какъ своимъ содѣйствіемъ помогать стражамъ при сохраненіи чистаго ученія. Пастыри и стражи «не должны быть какъ господствующіе надъ наслѣдіемъ Божиимъ», но ихъ стремленіемъ должно быть — подавать примѣръ стаду (I Петр. V, 3); какъ, съ другой стороны, все стадо «должно все возвращать въ того, который есть глава, Христосъ, изъ котораго все тѣло составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствиі въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви» (Ефес. IV, 15, 16).

Будучи свидѣтелями историческихъ фактовъ, относящихся къ домостроительству спасенія, и освященные крещеніемъ Святаго Духа, Апостолы исполнили эту задачу; они сообщили своимъ преемникамъ то, что видѣли и слышали, чему внутренно научилъ ихъ Духъ Святой. Въ устной рѣчи или въ писанномъ словѣ, они передали грядущему роду откровенную истину, которая должна не поддѣльно переходить изъ рода въ родъ до конца временъ. Для сей цѣли они поставили стражемъ истины, равно какъ и вождемъ ищущихъ спасенія душъ, іерархически устроенное священство. И хотя они получили отъ Господа полную власть вязать и рѣшить, однакожь охотно дѣйствовали по

совѣщаніи съ вѣрующими и важнѣйшіе вопросы рѣшали въ общемъ собраніи. Черезъ это они преуказали, что все управленіе въ церкви имѣетъ быть соборное, ея авторитетъ—коллективный, и сей послѣдній, наконецъ, долженъ завершаться во вселенскомъ Соборѣ.

Въ этомъ устройствѣ и черезъ это устройство церковь стала заботливою матерью для всѣхъ вѣрующихъ, спасаемыхъ въ ея нѣдрахъ, и отъ нея вышло благословеніе на народы земные. Повиноваться ей обязанъ всякій христіанинъ, и уже христіанская древность, въ своихъ символахъ вѣры, исповѣдала и почитала ее, какъ единую, святую, соборную (каѳолическую, и апостольскую) церковь. Эти признаки выражаютъ какъ ея свойства, такъ и ея обязательства.

Свойство единства приличествуетъ церкви, потому что она дѣйствуетъ и живетъ во имя Іисуса Христа, кромѣ котораго «нѣтъ другаго имени, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись (Дѣян. IV, 12), потому что она опирается на то основаніе, кромѣ котораго «ни кто не можетъ положить другаго» (I Кор. III, 11), потому что она есть духовное тѣло, имѣетъ одну главу—Христа и одушевляется однимъ Духомъ Божиимъ. Поэтому на ней лежитъ также и обязательство: «сохранять единство духа въ союзѣ мира» (Ефес. IV, 3).

Свойство святости принадлежитъ ей, потому что она утверждается на святомъ основаніи, имѣетъ рѣшить святую задачу и для сего употребляетъ святыя средства. Будучи сама «утверждена на основаніи Апостоловъ и пророковъ, имѣя самага Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ», она, съ своей стороны, все болѣе и болѣе зиждетъ царство Божіе на землѣ, и употребляетъ для сего слово и таинство. Но это также возлагаетъ на нее обязательство: стремиться и въ своихъ членахъ все къ болѣе совершенной святости, вѣрно и осторожно исполнять свою пастырскую должность и добросовѣстно употреблять положенныя Богомъ на ея руки наказанія (епитиміи), дабы возвратить угнанное, перевязать пораненное и укрѣпить больное (Іезек. XXXIV, 16).

Мнѣніе, будто святость церкви состоитъ въ святости ея членовъ, не можетъ быть признано состоятельнымъ. Если церковь должна называться святою только въ томъ случаѣ, когда всѣ ея члены дѣйствительно святы, то не было бы никогда— даже во времена апостоловъ— святой церкви, такъ какъ они, какъ мы видимъ изъ ихъ писаній, довольно часто должны были бороться съ несвятыми элементами въ общинахъ. Если задача церкви перевести человѣка изъ состоянія естественнаго въ состояніе благодати (возрожденіе), то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что въ ея нѣдрахъ могутъ, даже должны находиться еще не проникнутые духовнымъ возбужденіемъ, еще не святые элементы. Но это не причинить ущерба ея святости, пока она вѣрно въ отношеніи къ нимъ исполняетъ должность духовнаго попеченія, внутренней миссіи, и пока они предаются ея воспитанію и пробужденію. Между членами тѣла есть также «слабые и такіе, которые намъ кажутся менѣе благородными, и не благообразные», — но они не причиняютъ ущерба красотѣ тѣла, если они «благовидно покрываются и о нихъ прилагается попеченіе», ибо Богъ соразмѣрилъ тѣло, внушивъ о менѣе совершенномъ большее попеченіе, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ» (I Кор. XII, 22—25). Только безнадежныхъ несвятыхъ церковь не должна терять у себя, не вредя своей святости; и потому она отлучаетъ отъ своего общенія тѣхъ, которые своевольно, даже съ сознаниемъ, по свободному рѣшенію воли, противятся дѣйствию благого — въ церкви дѣйствующаго — Духа. «Извергните развращеннаго изъ среды васъ» (I Кор. V, 13).

Свойство всеобщности или каеоличности приличествуетъ церкви, потому что она не есть обособленная церковь, не ограничивается единственнымъ народомъ, какъ это было въ ветхомъ заветѣ, но, напротивъ, имѣетъ предназначеніе принять въ себя всѣ народы земные, дабы былъ единъ пастырь и едино стадо и въ ней не было болѣе «Еллина, Іудея, обрѣзанія, необрѣзанія, варвара, Скиѳа, раба, свободнаго—но все и во всемъ Христосъ» (Колос. III, 11). Потому-то на

нее и возложено обязательство возвѣщать веѣмъ народамъ радостную вѣсть спасенія и прилагать свою полную ревность къ дѣлу вѣишной мисси.

Наконецъ, свойство апостольства принадлежитъ церкви, потому что Апостолы суть столпы, не только украшающіе, но и поддерживающіе и носящіе все ея зданіе. Она непрерывно назидается апостольскимъ ученіемъ, въ неизмѣнно переходящемъ изъ рода въ родъ Преданіи, равно какъ ея священство, чрезъ рукоположеніе, въ непрерывномъ пріемствѣ, продолжаетъ апостольское учрежденіе. Но это также возлагаетъ на нее обязательство быть вѣрною въ своемъ поведеніи апостольскому духу, добросовѣстно управлять вѣренными сокровищами и сохранять ихъ невредимыми до конца. «Держи, что имѣешь, дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего» (Апок. III, 11).

Если теперь съ начертаннымъ здѣсь образомъ церкви мы сопоставимъ существующія нынѣ три главныя части церкви Христовой, то, конечно, принуждены будемъ убѣдиться, что этотъ образъ можетъ быть найденъ только въ восточной церкви, напротивъ, черты его въ римско-католической церкви въ высшей степени искажены, а въ протестантской замѣтно изглажены. Тогда какъ римскій католицизмъ все тѣснѣе служивалъ границы понятія о церкви и возвелъ папскую кафедру въ исключительное средоточіе церкви и ея центръ тяжести, такъ что нельзя смотрѣть какъ на члена церкви ни на кого, кто не подчиняется римской курии,—протестантство поставило границы этого понятія о церкви такъ широко, что идея церкви совершенно улетучивается.

Седьмой членъ аугсбурскаго исповѣданія опредѣляетъ церковь, какъ собраніе всѣхъ вѣрующихъ, у которыхъ чисто проповѣдуется евангеліе и согласно съ евангеліемъ преподаются святыя таинства. Сперва противъ этого надобно замѣтить, что здѣсь указаны, конечно, два весьма важные признака, однакожъ они одни сами по себѣ отнюдь не могутъ быть разматриваемы, какъ моменты, опредѣляющіе и исчерпывающіе существо церкви. Дыханіе и сердцебіеніе составляютъ, конечно, для врача критеріи жизни въ дан-

номъ тѣлѣ, но они для него далеко еще недостаточные поручители за цѣлость и здоровье организма. При неразстроенномъ продолженіи этихъ жизненныхъ отправленій, отдѣльные члены могутъ быть, конечно, ослаблены или изувѣчены и слѣдовательно, можетъ быть нарушена или уничтожена цѣлость организма. Потомъ, справедливо возникаетъ вопросъ: кто же долженъ рѣшить, чисто ли проповѣдуется евангеліе, согласно ли съ евангеліемъ преподаются таинства? Вотъ затрудненіе, которое не легко устранить. По протестантскому принципу, рѣшить это должна Библия, представляющая—въ послѣдней инстанціи—весь церковный авторитетъ. Но кто долженъ ее толковать? По устранинн церковнаго Преданія, ея изъясненіе предоставлено личному произволу. Тутъ всякій долженъ самъ себѣ помогать. На нашихъ кафедрахъ проповѣдуется разнообразное ученіе и всякій слушатель имѣетъ судить о проповѣди по мѣрѣ своего субъективнаго разумѣнія Библии. Тогда можетъ представиться случай, и фактически часто уже представлялся, что одна и таже проповѣдь однимъ принимается какъ евангельская, тогда какъ другой сомнѣвается въ ея евангельской чистотѣ.

Наконецъ, если вѣрующая община, къ несчастію, имѣетъ у себя проповѣдника—раціоналиста, проповѣдующаго не евангеліе, а чело-вѣческую мудрость, то неужели эта христіански настроенная община не принадлежитъ къ церкви потому только, что въ ней возвѣщается евангеліе не чисто? Изъ этого мы видимъ, какъ неопредѣленно, какъ неудовлетворительно это опредѣленіе церкви, и какъ оно ведетъ къ неприемлемымъ слѣдствіямъ.

Еслибы стали утверждать, что протестантская церковь въ символическихъ книгахъ имѣетъ руководство для правильнаго изъясненія Свящ. Писанія, и высшія духовныя власти обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы проповѣдники, при изложеніи ученія о спасеніи, не отступали отъ пониманія, находящагося въ этихъ книгахъ,—то слѣдуетъ замѣтить, что эта гарантія очень ограничена, и теперь многіе протестантскіе богословы, и между ними очень вѣрующіе и благонамѣренные мужи, весьма серьезно оберегаютъ себя отъ этого уваженія къ символическимъ книгамъ, и во многихъ протестантскихъ странахъ на-

чальство уже не обращает вниманія на обязательство проповѣдниковъ относительно символическихъ книгъ. И надобно признаться, что въ такомъ образѣ дѣйствій заключается послѣдовательность. Символическія книги суть, конечно, также не что иное какъ Преданіе, но Преданіе свѣжее. Если для реформаторовъ не было обязательно древнее Преданіе церкви, то почему для ихъ преемниковъ должно быть обязательно Преданіе ими новоустановленное? Конечно, реформаторы, чрезъ составленіе символическихъ книгъ, поступили практически правильно и цѣлесообразно, но чрезъ это они также представили посягающее свидѣтельство противъ самихъ себя. Чрезъ это они дали замѣтить, какъ потомъ они принуждены были убѣдиться, что церковь, съ однимъ Священнымъ Писаніемъ и безъ стоящаго съ боку, основаннаго на Преданіи, авторитета, охраняющаго изъясненіе Писаніе, — отнюдь не можетъ быть прочна. Они видѣли необходимость, въ замѣнъ поспѣшно отвергнутаго Преданія древней церкви и каноническихъ правилъ Соборовъ, чрезъ эти символическія книги воздвигнуть новый оплотъ, который могъ бы задерживать приливъ личнаго мнѣнія и обуздывать произвольное толкованіе Свящ. Писанія. Это былъ, нѣкоторымъ образомъ, актъ раскаянія въ ихъ поспѣшномъ, необдуманномъ дѣлѣ. И такимъ образомъ символическія книги въ протестантской церкви хотя представляютъ непослѣдовательность, однакожь составляютъ и спасительную оборону, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ начальство умѣетъ охранять уваженіе къ нимъ, церковь находитъ прочность и опору, и видитъ обезпеченнымъ свое дальнѣйшее существованіе, а тамъ, гдѣ вовсе не обращаютъ вниманія на символическія книги, какъ на обязательное правило, она должна неизбежно распасться и, отдавшись неограниченному индивидуализму, ожидать своего быстрого разложенія.

Но гдѣ такъ мало удовлетворяетъ дѣйствительность, тамъ обыкновенно бѣгутъ въ область идеаловъ, и въ ней ищутъ вознагражденія за недостатки существующаго. Это сдѣлано и съ протестантской стороны. Отказываясь отъ возможности представить видимую церковь, которая вполнѣ отвѣчала бы всѣмъ справедливымъ требованіямъ, протестанты апеллиро-

вали къ невидимой церкви, къ совокупности всѣхъ тѣхъ, которые, хотя сокровенно отъ очей міра, но завѣдомо Сердцевѣдцу, ведутъ блаженную жизнь вѣры и истинно представляютъ ту церковь, которая обозначена въ символѣ вѣры какъ единая, святая, соборная (вселенская) и апостольская. Черезъ это они высказали истину хотя несомнѣнную, но предполагающую такое состояніе, какого именно и недостаетъ протестантству.

Въ катихизисѣ русской церкви, въ членѣ о церкви, сказано:

В. Какъ можетъ быть предметомъ вѣры церковь, которая видима, когда вѣра, по Апостолу, есть обличеніе невидимыхъ?

О. Во первыхъ, хотя церковь видима, но невидима усвоенная ей и освященнымъ въ ней благодатью Божіею, которая и есть собственно предметъ вѣрованія въ церковь.

Во вторыхъ, церковь, будучи видима, поколику она есть на землѣ и къ ней принадлежатъ всѣ православные христіане, живущіе на землѣ, въ то же время есть невидима, поколику она есть и на небеси, и къ ней принадлежатъ всѣ, скончавшіеся въ истинной вѣрѣ и святости.

Это будетъ, конечно, правильнымъ выраженіемъ того, что надобно разумѣть подъ невидимою церковію. Невидимая церковь не должна существовать внѣ связи съ видимою, но должна ее пронизывать и освящать. Но такъ какъ у протестантовъ недостаетъ вѣрнаго понятія о видимой церкви, то и обращеніе къ невидимой не помогаетъ имъ.

Впрочемъ этотъ недостатокъ едва ли ощущается протестантскими христіанами. Истинная идея о церкви у протестантовъ, повидимому какъ бы совершенно утрачена. Привыкнувши съ дѣтства основывать все религіозное сознаніе на субъективныхъ убѣжденіяхъ, они не знаютъ чувства безопасности, которое ощущается, если знаешь, что тебя носитъ церковь, какъ твердо сочлененное учрежденіе спасенія, что ты безопасенъ въ ея материнскомъ лонѣ; они не имѣютъ никакой потребности съ довѣріемъ опираться на нее и изъ авторитета церкви почерпнуть утвержденіе своей вѣры и своего познанія. Протестантъ обращенъ именно къ себѣ самому и къ одному себѣ. Водясь личнымъ разумніемъ Библии, онъ

устанавливаетъ свое исповѣданіе вѣры такъ, какъ оно отвѣчаетъ его субъективному убѣжденію. Благо ему, если Духъ Божій касается его сердца и открываетъ ему истинное разумніе Свящ. Писанія, въ силу котораго онъ тогда одерживаетъ побѣду надъ всѣми сомнѣніями и нападеніями естественнаго разума. Весьма достойно сочувствія то, что говоритъ въ этомъ отношеніи одинъ протестантскій богословъ: «Она (протестантская церковь) съ своими внѣшними недостатками, съ рѣзкими противорѣчіями въ своихъ нѣдрахъ, не имѣетъ устойчивости, какъ церковь греческая, которая и понынѣ остается такою, какою была болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, и римская, остающаяся такою же въ вѣрѣ и нравственности, какою она вышла изъ среднихъ вѣковъ. Впрочемъ, если протестантская церковь, не можетъ помѣряться съ ними въ цѣломъ, то въ частяхъ она не мало имѣетъ доказательствъ на то, что Христосъ еще не оставилъ ее *).

Итакъ обращеніе къ невидимой церкви не представляетъ протестантству никакого вознагражденія за убытки видимой церкви. Точно также и ссылка на всеобщее священство (I Петр. II, 9) не можетъ вознаградить его за убытокъ, понесенный ими чрезъ уничтоженіе церковной іерархіи.

Епископство и вообще іерархическій составъ церкви отнюдь не человѣческое учрежденіе. Господь Самъ избралъ апостоловъ, чтобы учить и крестить во имя тріединаго Бога. Онъ послалъ ихъ такъ, какъ Богъ послалъ Его, и, освятивъ ихъ сообщеніемъ Святаго Духа, передалъ имъ власть вязать и рѣшить, съ обѣщаніемъ, что то, что они свяжутъ и разрѣшатъ на землѣ, будетъ связано и разрѣшено на небѣ (Матѣ. XVIII, 18). Онъ, Самъ Господь Иисусъ, чрезъ дѣйствіе своего Святаго Духа, даетъ церкви: апостоловъ, пророковъ, евангелистовъ, пастырей и учителей (Ефес. IV, 11). Апостолы, съ своей стороны, чрезъ рукоположеніе, посвятили своихъ преемниковъ во епископы и пресвитеры и поставили ихъ для мало по малу образовывавшихся церквей, какъ пастырей и

*) Vorlesungen üb. Katholicismus u. Protestantismus von H. W. I. Thiersch. 1846. 10 Vorles.

учителей и апостольское слово о нихъ ясно говорить, что Духъ Святыи поставилъ ихъ епископами пасти церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ кровію Своею (Дѣян. XX, 28).

Такъ духовная должность изъ рода въ родъ переходила въ церкви Христовой въ непрерывномъ преемствѣ и издревле смотрѣли на нее, какъ на Божественное установленіе. О всеобщемъ священствѣ въ томъ смыслѣ, какой придали ему реформаторы, первобытная церковь ничего не знала, и была весьма далека отъ того, чтобы въ пастыряхъ видѣть только уполномоченныхъ стада, въ которомъ собственно будто бы заключается церковная власть, передаваемая только отъ всѣхъ въ совокупности отдѣльнымъ лицамъ. Такой образъ возрѣнія древняя церковь рѣшительно отвергала какъ ересь, какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто хочетъ заглянуть въ самыя писанія древнихъ церковныхъ учителей, какъ-то: Климента Римскаго ¹⁾, Игнатія ²⁾, Ириней ³⁾, Кипріана ⁴⁾, Тертулліана ⁵⁾ и т. д.

Итакъ по упраздненіи іерархіи, протестантство собственно не имѣетъ болѣе никакого дѣйствительнаго священства, должность ключей для него утрачена, церковь въ немъ исчезла въ общинѣ. Возраженія же, — что тамъ, гдѣ носители іерархической церковной власти заграждаютъ свой слухъ для истины и не брегутъ о своихъ священнѣйшихъ обязанностяхъ, остается апелляція къ всеобщему священству, какъ единственный якорь спасенія въ влекущемъ къ гибели потоцѣ, — такого возраженія нельзя, конечно, считать серьезнымъ, такъ какъ оно находитъ свое блистательнѣйшее опроверженіе въ самой церковной исторіи. Въ разныя времена церкви случалось, что имѣвшіе вышнюю церковную власть пользовались ею не въ духѣ Христовомъ; были даже времена, когда большинство епископовъ сочувствовало арианству, было враждебно церкви, которую они должны были

1) Epist. ad Covinth 42. 44.

2) Epist. ad Magnes. 3. 6. 7.

3) Adv. Haeres. IV, 26.

4) Epist. XXV, XXVII.

5) Adv. Marcion. IV, 5.

пасти, и преслѣдовало вѣрно вѣрующихъ. Апеллировали ли изъ за этого тогда сіи послѣдніе къ всеобщему священству и упразднили ли церковную іерархію? Нисколько. Они остерегались къ существующему вреду прибавить новый. Гоненіямъ они противопоставляли терпѣніе, заблужденію—истину, порицаніямъ—вѣру и молитву, пока Господь снялъ съ нихъ тяжкое испытаніе и возвратилъ миръ своей церкви.

Какъ все устройство церкви, такъ и формы богослуженія чрезъ реформаторскія идеи и принципы потерпѣли значительныя видоизмѣненія. Далѣе пошли въ этомъ реформаты, изъ церквей которыхъ изгнано всякое украшеніе, всякая христіанская эмблема, и которыя едва отличаются отъ всякаго другаго общественнаго мѣста собранія; ихъ богослуженіе состоитъ изъ пѣснопѣнія и проповѣди. Лютеране меньше отделились въ этомъ отъ своей прежней церкви; они удержали обычныя эмблеммы христіанской церкви, равно какъ ихъ богослуженіе представляетъ еще отголоски изъ древнихъ литургій. Формы богослуженія сами по себѣ имѣютъ, безъ сомнѣнія, второстепенное значеніе, и издревле въ христіанскихъ церквахъ существовали въ этомъ отношеніи разности, обусловливаемыя мѣстомъ и временемъ. Общее у всѣхъ ихъ было: общая молитва, хвалебное пѣніе, наставленіе, чтеніе псалмовъ и пророковъ, равно какъ и позднѣе евангелій и апостольскихъ посланій, и средоточіе или собственно центр тяжести богослуженія составляло совершеніе евхаристіи. Какъ мало, впрочемъ, вредили всеобщему чину богослуженія мѣстныя разности, объ этомъ свидѣтельствуютъ и различныя литургіи, составленныя уже рано въ христіанской древности, изъ которыхъ одну приписываютъ апостолу Іакову. Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ составили, по руководству древнихъ, особенныя литургіи, въ которыхъ изобразили богослужебныя обряды, какъ они сохранились по преданію до IV вѣка, и эти литургіи въ постоянномъ употребленіи въ восточной церкви даже до настоящихъ дней. Богослуженіе этой церкви, въ своемъ строгомъ порядкѣ и единствѣ, совершенно проникнуто мыслию: въ чтеніи и пѣніи, равно какъ и въ лицахъ и дѣйствіяхъ не только выразить истинное ученіе, но и образно представить, въ хроно-

логическомъ порядкѣ, важнѣйшія событія изъ исторіи домостроительства спасенія. Поэтому такъ богата его символика и такъ сильно впечатлѣніе, производимое имъ непремѣнно на сердце всякаго, кому понятно полное его знаменованіе. Для менѣе богатой фантазіею природы западныхъ народовъ могли быть достаточны болѣе простыя формы богослуженія, и потому западная церковь не только отступила отъ восточнаго типа въ архитектурѣ и внутреннемъ устройствѣ своихъ храмовъ, но по мѣстнымъ и національнымъ потребностямъ видоизмѣнила и литургію; однакожь и въ ней средоточіемъ богослуженія всетаки осталось собственно совершеніе евхаристической жертвы.

Протестантскій образъ возрѣнія долженъ былъ естественно вызвать еще болѣе существенныя видоизмѣненія. Совершеніе евхаристіи не составляетъ болѣе средоточія воскреснаго и праздничнаго богослуженія, но ограничивается только извѣстными днями въ году, именно тѣми, въ которые заявляютъ о себѣ причастники. Общія молитвы и библейскія чтенія значительно уменьшены и центръ тяжести богослуженія переложень собственно на проповѣдь. Черезъ это и назиданіе общины сдѣлалась совершенно зависимымъ отъ личности проповѣдника, отъ его дарovitости и отъ его настроенія.

Проповѣдь, долженствующая, чрезъ изъясненіе свящ. писанія, наставлять въ ученіи о спасеніи, есть, конечно, священная задача церкви и она (церковь) изначала добросовѣстно исполняла ее. Проповѣдь была тѣмъ духовнымъ мечемъ, которымъ церковь преодолѣла язычество, тѣмъ чистымъ млекомъ, которымъ она вскормила своихъ собственныхъ чадъ. Но тогда проповѣдь была также вѣрнымъ выраженіемъ всеобщаго церковнаго преданія, какъ оно неоспоримо существовало въ своемъ твердомъ основаніи, и потому всегда носила на себѣ печать единой вѣры. Можемъ ли мы сказать это также и о проповѣдяхъ въ нашихъ протестантскихъ церквяхъ? Принципъ свободнаго изслѣдованія и необходимо вытекающее изъ него личное изъясненіе Писанія привносятъ у насъ въ проповѣдь разнообразіе, не рѣдко почти изглаживающее въ ней христіанскій характеръ. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, опасно переносить центръ тяжести

богослуженія на проповѣдь. Именно у насъ протестантовъ было бы желательно, даже настоятельно потребно дать въ нашемъ богослуженіи больше мѣста общимъ молитвамъ и библейскимъ чтеніямъ предъ алтаремъ. Правда, въ общинахъ, имѣющихъ, къ счастью, вѣрнаго, евангелически настроеннаго проповѣдника, или цѣлый рядъ такихъ мужей,—въ такихъ общинахъ, вслѣдствіе преобладанія проповѣди, можно встрѣтить вѣрующихъ основательно знающихъ истины спасенія. Но такія явленія въ нашихъ кружкахъ, къ сожалѣнію, суть только частнаго свойства. Рядомъ съ этимъ мы наталкиваемся опять на другія общины, въ которыхъ нѣтъ такого познанія, гдѣ оно мало по малу помрачилось даже у тѣхъ вѣрующихъ, у которыхъ когда-то существовало, потому что изсякъ источникъ, изъ котораго оно могло-бы питаться, потому что личность наличнаго проповѣдника не въ состояніи дать алчущимъ душамъ хлѣба жизни и изъ его проповѣди слушатели не могутъ почерпать никакого наставленія и никакого назиданія.

Такъ мы вездѣ наталкиваемся на то же самое главное зло, такъ черезъ всѣ наши церковныя обстоятельства, какъ черная нить судьбы, тянется тотъ индивидуализмъ, о которомъ мы уже напоминали и который уничтожаетъ всякое единство, исключаетъ желательное согласіе и раздѣляетъ протестантство на партіи, имѣющія мало общаго между собою.

IV. ТАИНСТВА.

Если изъ духоты жаркаго лѣтняго дня рождается гроза и потомъ разражается бурей, молніями, дождемъ и градомъ, то она, хотя утоляетъ жаждущія поля и очищаетъ душный, тяжелый воздухъ, но въ своей свободной естественной силѣ уничтожаетъ также и многія надежды селянина, побиваетъ его посѣвы, сожигаетъ его дома и черезъ внезапно поднявшіяся воды опустошаетъ много тягостныхъ трудовъ его рукъ, много плодовъ его долговременнаго старанія! Не безъ сходства съ такою грозой прошла и реформація черезъ растлѣнную западную церковь. Душный воздухъ, конечно, она очистила, жаждущія поля утолила, но, къ сожалѣнію, она не могла произвести этого, не при-

чинивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и много опустошенія, не побивъ много посявовъ, изъ которыхъ могъ бы и долженъ былъ бы вырасти спасительный плодъ. Таковъ обычный ходъ вещей въ нашей бѣдной земной жизни. Человѣческой умъ, хотя бы былъ объятъ святою ревностію, весьма рѣдко избѣгаетъ крайнихъ направленій, и гдѣ онъ—даже по праву возстаетъ противъ существующихъ злоупотребленій, тамъ рѣдко удается ему удержаться на золотой срединѣ, и весьма часто онъ отступаетъ отъ истины въ противоположное направленіе.

Это должно было случиться съ реформаторами, именно въ отношеніи къ таинствамъ. Разъ отгѣсненные гнетомъ обстоятельство на крайніе пути, они не могли защититься отъ силы послѣдствій, и дошли до того, что подвергли сомнѣнію и седмичное число таинствъ, изъ которыхъ пять они совсѣмъ устранили,—такъ какъ онѣ не основаны на Свящ. Писаніи,—хотя мнѣнія объ этомъ сначала еще нѣкоторымъ образомъ колебались, потому что Лютеръ и Меланхтонъ склонны были признать еще покаяніе, Цвингли—бракъ, наконецъ Кальвинъ—священство, за третье таинство, пока на послѣдокъ всѣ четверо согласились дать силу только двумъ таинствамъ—крещенію и причащенію. Но нельзя отвергать, что чрезъ это реформаторы сильно исказили достопочтенное церковное учрежденіе христіанской древности.

Хотя Свящ. Писаніе не упоминаетъ ясно о седмичномъ числѣ таинствъ, однакожъ о каждомъ изъ нихъ находятся въ немъ болѣе или менѣе ясныя указанія. Далѣе, хотя нельзя съ точностію исторически указать время, съ котораго это седмичное число получило въ церкви всеобщую силу, однакожъ мы видимъ, что секты рано уже отдѣлившіяся отъ вселенской церкви, какъ въ V вѣкѣ монофизиты и несторіане, удержали это число, и чрезъ это представили доказательство на то, что седмичное число таинствъ, было тогда всеобщимъ и святохранимымъ учрежденіемъ церкви. Конечно, и древніе отцы церкви не говорятъ ясно о томъ, что таинствъ въ церкви именно семь, однакожъ не слѣдуетъ забывать, что они,—по ихъ собственному признанію, старались церковныя таинства содержать

втайнѣ отъ непосвященныхъ и въ этомъ отношеніи соблюдали строгій эсотеризмъ. *) Тѣмъ не менѣе мы находимъ въ писаніяхъ даже древнѣйшихъ отцевъ церкви тамъ, гдѣ это соотвѣтствовало ихъ цѣли, упоминаніе о каждомъ таинствѣ порознь, и они самымъ опредѣленнымъ образомъ приписываютъ именно таинственный характеръ и такимъ священно-дѣйствіямъ, которымъ по мнѣнію реформаторовъ, должно отказать въ этомъ характерѣ.

Протестанты требовали установленія Самимъ Христомъ, какъ условія, для того, чтобы можно было извѣстному священнодѣйствію усвоить достоинство таинства. Но въ такомъ случаѣ должно было бы отказать въ достоинствѣ таинства и самому крещенію, котораго Христосъ самъ не установилъ, но которое только повелѣлъ совершать своимъ апостоламъ. И его собственное крещеніе въ Иорданѣ не можетъ имѣть доказательной силы для этого, такъ какъ крещеніе Іоанново было совершено другаго свойства, чѣмъ позднѣйшее христіанское, ибо апостолы совершали или велѣли совершать сіе послѣднее и надъ воѣми тѣми, которые были крещены только Іоанновымъ крещеніемъ. И однакъ реформаторы удержали крещеніе, какъ таинство, и справедливо, потому что весьма многія и весьма ясныя мѣста Свящ. Писанія свидѣтельствуютъ объ его таинственномъ характерѣ.

Напротивъ, вмѣстѣ съ таинствомъ евхаристіи, надобно конечно отнести къ установленію Самаго Христа и Священство. Ибо Господь, съ уполномочіемъ совершать крещеніе, не только передалъ своимъ апостоламъ вмѣстѣ и учительство (Матѣ. XXVIII, 19), но какъ мы читаемъ въ евангеліи отъ Іоанна (XX, 21—23), чрезъ сообщеніе Свят. Духа, — торжественно призвалъ своихъ учениковъ къ священническому сану, какъ и сдѣлалъ ихъ своими посланниками. Если апостолы, при совершеніи посвященія, дуновеніе замѣнили впоследствии рукоположеніемъ, то это произошло, безъ сомнѣнія, изъ обитавшей въ нихъ полной власти и силы Святаго Духа, котораго сообщилъ имъ Господь, и который по Его обѣтованію — долженъ былъ наставить ихъ на всякую

*) Эсотеризмъ (ἑσωτερικὸς) — ученіе, сообщаемое однимъ посвященнымъ въ таинства. Перев.

истину (Іоан. XVIII, 13). Подобное измѣненіе въ чинѣ совершенія таинства произошло и относительно рукоположенія послѣ крещенія—для сообщенія благодатныхъ даровъ Святаго Духа,—которое (рукоположеніе) съ ихъ стороны замѣнено помазаніемъ посредствомъ Святаго мира, на что повидимому указываетъ уже апостоль Іоаннъ (I Іоан. II, 20, 27). Посему и это таинство св. муропомазанія (конфирмація) восходитъ до апостоловъ. Точно также, по сказанію евангелиста Іоанна (XX, 21—23), Господь, съ посвященіемъ во священники, сообщилъ своимъ ученикамъ и тѣсно съ этимъ связанную должность ключей, и, слѣдовательно, положилъ основаніе для таинства покаянія. Святое елеосвященіе, называемое въ римской церкви послѣднимъ помазаніемъ, потому что она смотритъ на него, какъ на таинство для умирающихъ, тогда какъ восточная церковь считаетъ его врачевствомъ для немощей тѣлесныхъ и душевныхъ, св. елеосвященіе, говорю, не только ясно и внятно предлагается апостоломъ Іаковомъ, но, можетъ быть, уже обозначено у св. Марка (VI, 13). Наконецъ, не изрекъ ли Богъ уже въ раю своего благословенія на бракъ? Не установленъ ли онъ Имъ, какъ святой разсадникъ, для приготовленія и привлеченія общниковъ Его царства на землѣ? Самъ Христось говоритъ о нерасторжимости этого союза и объ его высшемъ значеніи, которое Моисеевъ законъ мало цѣнилъ только по человѣческому жестокосердію, тогда какъ сначала не было такъ (Мате. XIX, 8). А св. апостоль Павелъ называетъ бракъ именно таинствомъ (*μυστήριον*), потому что онъ есть образъ союза Христа съ церковію.

Теперь, хотя реформаторы отвергли таинственный характеръ у покаянія (разрѣшенія), священства (рукоположенія) и брака, однакожъ они, по крайней мѣрѣ, оставили еще въ церкви существованіе этихъ священно-дѣйствій, даже въ конфирмаціи удержали еще нѣкоторое подобіе св. муропомазанія, на противъ совершенно отмѣнили св. елеосвященіе. Для такого образа возрѣнія и дѣйствія они думали находить оправданіе въ томъ, что благодатныя дѣйствія, соединенныя съ этими священнодѣйствіями во времена апостоловъ, въ настоящее время угасли,

и, слѣдовательно, ви́шняя форма не заключаетъ уже болѣе и не скрываетъ въ себѣ внутренней сущности, и потому сдѣлалась излишнею, или же не можетъ болѣе имѣть притязанія на таинственный характеръ. Однако трудно оправдать это мнѣніе. Смѣемъ ли мы быть столь дерзкими, чтобы полагать границы для дѣйственности божественнаго Духа или предписывать Ему, какъ Онъ долженъ обнаруживаться? Ужели немислимо никакое другое чудесное дѣйствіе Святаго Духа, какъ только такое, которое тотчасъ обнаруживается ви́шнимъ, для всѣхъ ощущаемымъ образомъ? И крещеніе не сопровождается болѣе въ наши дни тѣми наружно ощущаемыми чудесными дѣйствіями Святаго Духа, какъ во времена апостоловъ, — почему же реформаторы не только удержали его форму, но и оставили его какъ таинство? Конечно, нельзя сомнѣваться, что время и мѣсто могутъ опредѣлять и Духа Божія къ разнообразной дѣйственности. Дарованія въ церкви не угасли, а съ шумнаго торжища публичности бѣжали въ тихую сферу сердечной жизни вѣры, — и тамъ не всякій ихъ замѣчаетъ. Чтобы ощутить свѣтъ, нуженъ органъ свѣта, нуженъ глазъ. Нѣтъ у насъ этого, мы, окруженные свѣтомъ, остаемся, однако, во мракѣ. А для чудесныхъ дѣйствій Святаго Духа вѣра есть тотъ органъ свѣта, безъ котораго мы не можемъ ихъ никогда ощущать. Поэтому для невѣрующаго рода эти дарованія кажутся угасшими. Но спросите только вокругъ себя у тихихъ, вѣрующихъ душъ всѣхъ вѣроисповѣданій, и онѣ вамъ исповѣдаютъ, какъ часто горній Духъ, съ своими чудесными дѣйствіями, явственно входилъ въ ихъ жизнь, какъ часто ихъ молитва чудеснымъ образомъ бывала услышана, какъ часто увѣщающій голосъ божественнаго Духа предохранялъ ихъ отъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, какъ часто одно, сказанное со смиреніемъ и вѣрою, слово внезапно поражало иного ожесточеннаго грѣшника и отвращало его отъ гибельнаго пути, и какъ въ пророчесственныхъ сновидѣніяхъ имъ открывалось, что они должны дѣлать или не дѣлать для спасенія своего собственнаго или другихъ.

Но даже положимъ, что эти дарованія дѣйствительно угасли,

что эти таинственные формы не суть болѣе носители духовных даровъ; — кто намъ далъ право на то, чтобы поэтому отвергать и таинственный характеръ этихъ формъ, освященныхъ вѣковыми преданіемъ, или ихъ совершенно отмѣнять? Если онѣ были нѣкогда носителями божественныхъ благодатныхъ дѣйствій, то мы не посмѣемъ, конечно, отвергать, что онѣ могутъ опять сдѣлаться таковыми во всякое мгновеніе, какъ скоро это угодно будетъ Господу. Но, въ такомъ случаѣ, не должны ли мы будемъ дать строгій отчетъ въ томъ, что мы отвергли или, по крайней мѣрѣ, пренебрегли освященныя формы, чрезъ которыя Господу нѣкогда угодно было сообщать церкви Свои благодатные дары? Форма не такъ безразлична, какъ думаютъ, кажется, съ протестантской стороны. Апостолы придавали ей большой вѣсъ, какъ это видно между прочимъ изъ исторіи Корнилія. На него и его родныхъ Духъ Божій сошелъ видимымъ образомъ еще въ то время, какъ святой Петръ говорилъ съ нимъ, однакожь Апостоль, сказавъ: «кто можетъ запретить креститься водою тѣмъ, которые получили Святаго Духа, — волѣлъ имъ креститься». (Дѣян. X, 47). Здѣсь, такимъ образомъ сообщены дары Духа уже прежде таинственной формы, что, однакожь, не воспрепятствовало апостоламъ уже просвѣщенныхъ святымъ Духомъ подвергнуть и вишней формѣ таинства.

Даже живѣйшее и важнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ, Святая Евхаристія испытала у реформаторовъ такое пониманіе, какое не несущественно отступаетъ отъ образа возрѣнія христіанской древности. Хотя лютеране исповѣдуютъ въ Евхаристіи подъ видомъ евхаристическихъ элементовъ дѣйствительное присутствіе тѣла и крови нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа, однакожь они не хотятъ смотрѣть на Евхаристію, какъ на жертву, и это мнѣніе причисляютъ къ предосудительнымъ злоупотребленіямъ и заблужденіямъ Рима. Нельзя отрицать, что папство виновно въ великомъ злоупотребленіи относительно литургіи жертвы, однакожь тѣмъ менѣе она можетъ быть отвергнута, что древнѣйшая церковь смотрѣла на евхаристію, какъ на дѣйствительную жертву.

Восточная церковь вѣрно сохранила этотъ догматъ древности и по руководству древнихъ литургій совершаетъ таинство евхаристіи—согласно съ первобытною церковію. Поэтому весьма интересно ближе познакомиться съ ученіемъ восточной церкви объ евхаристіи, какъ жертвѣ, и я хочу сообщить здѣсь оное въ буквальной переводѣ изъ сочиненія русскаго богослова: «Православно-догматическое богословіе» Доктора богословія Макарія, архіепископа Харьковскаго, С.-Петербургъ 1868 г. Тамъ, относительно разсматриваемаго предмета, сказано: «Вѣруя и исповѣдуя, что святѣйшая евхаристія есть истинное таинство, православная церковь вѣруетъ также и исповѣдуетъ, вопреки заблужденіямъ протестантовъ, что евхаристія есть вмѣстѣ истинная, дѣйствительная жертва,—т. е. что въ евхаристіи тѣло и кровь нашего Спасителя какъ, съ одной стороны, предлагаются въ снѣдь людямъ, такъ, съ другой, приносятся за людей въ жертву Богу.

1) Эту истину преподавалъ самъ Христосъ Спаситель. Еще въ пророчественной бесѣдѣ своей объ установленіи евхаристіи, сказавъ о ней, какъ о таинствѣ и спасительной для людей пищѣ: «ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ», Господь непосредственно присовокупилъ: «хлѣбъ же, который я дамъ, есть плоть моя, которую Я отдалъ за жизнь міра». (Іоан. 6, 51), и тѣмъ ясно выразилъ, что таинство это будетъ вмѣстѣ имѣть значеніе умиловительной жертвы Богу. Точно также, при дѣйствительномъ установленіи евхаристіи, сказавъ ученикамъ своимъ, когда предлагалъ имъ благословенный хлѣбъ: «пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое», присовокупилъ: еже за вы ломимое, и сказавъ, когда предлагалъ благословенную чашу: пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь моя новаго завѣта, присовокупилъ: яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ. Кромѣ того, самымъ отдѣленіемъ крови отъ плоти своей въ таинствѣ евхаристіи указывая на свои крестныя страданія по плоти и проліаніе крови, истекшей изъ ребръ Его, далъ ясно разумѣть, что это таинство, совершающееся въ воспоминаніе искушительнаго жертвоприношенія на Голгоѣѣ, и само есть жертвоприношеніе.

2) Эта истина видна и изъ ученія святыхъ Апостоловъ. Св. Павелъ, въ предостереженіе коринѣскихъ христіанъ отъ участія въ языческихъ идоложертвенныхъ, писалъ: Посмотрите на Израиля по плоти: тѣ, которые ѣдятъ жертвы, не участники ли жертвенника? Что же я говорю? То ли, что идолъ есть что-нибудь, или идоложертвенное значить что-нибудь. Нѣтъ; но что язычники, принося жертвы, приносятъ бѣсамъ, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были въ общеніи съ бѣсами. Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быть участниками въ трапезѣ Господней и трапезѣ бѣсовской (I Кор. 10, 18—21). Противопологая здѣсь трапезу или алтарь христіанскій трапезѣ или алтарю языческому, на которомъ дѣйствительно приносились язычниками жертвы, хотя нечистыя и богопротивныя, учитель языковъ, очевидно, предполагаетъ, что и на христіанской трапезѣ въ таинствѣ тѣла и крови Господней совершается истинное, дѣйствительное жертвоприношеніе Богу. Въ другомъ посланіи своемъ, отклоняя вѣрующихъ во Христа отъ жертвоприношеній іудейскихъ, потерявшихъ свое значеніе и силу съ пришествіемъ Мессіи, тотъ же Апостоль писалъ: Мы имѣемъ жертвенникъ, отъ котораго не имѣютъ права питаться служащіе сѣни (Евр. 13, 10; снес. I Кор. 10, 18), и такимъ названіемъ и противоположеніемъ алтаря или жертвенника новозавѣтнаго ветхозавѣтному, на которомъ дѣйствительно іудеи приносили свои жертвы и отъ котораго потомъ вкушали, снова засвидѣтельствовали, что и на христіанскомъ жертвенникѣ приносится Богу истинная жертва, преподаваемая въ снѣдъ однимъ только вѣрнымъ.

3) Объ этой новозавѣтной жертвѣ предвозвѣщено было іудеямъ еще въ ветхомъ завѣтѣ чрезъ пророка Малахію.— Нѣтъ моего благоволенія къ вамъ, говоритъ Господь Саваоѣ, и приношеніе изъ рукъ вашихъ неблагоугодно мнѣ. Ибо отъ востока солнца до запада велико будетъ имя Мое между народами, и на всякомъ мѣстѣ будутъ приносить еиміамъ имени

Моему (чистую жертву); велико будетъ имя Мое между народами, говорить Господь Саваоѣъ (Малах. 1. 10, 11). Здѣсь, очевидно, рѣчь о жертвѣ новой, чистой, Богоугодной, повсемѣстной. Какая же эта жертва? Нельзя, безъ сомнѣнія, разумѣть подъ нею жертвѣ іудейскихъ, къ которымъ ясно выражается здѣсь же неблаговоленіе Божіе, и которыя приносились только въ опредѣленномъ мѣстѣ; ни тѣмъ болѣе — жертвѣ языческихъ, которыя ни въ какомъ смыслѣ, по духу всего Писанія, не могутъ быть названы чистыми и Богоугодными. Нельзя разумѣть и жертвы духовной, о какой говоритъ Псалмопѣвецъ (Пс. 50, 19): потому что такого рода жертву и прежде всегда приносили Богу люди добрые, благочестивые, — между тѣмъ въ пророчествѣ предрекается о жертвѣ видимой или внѣшней, которая противопоставляется іудейскимъ жертвамъ и имѣетъ замѣнить ихъ собою. Нельзя даже разумѣть ту чистѣйшую Богоугодную жертву, которую принесъ на крестѣ Господь Спаситель за грѣхи всего міра: потому что жертва сія принесена въ одномъ мѣстѣ, на Голгоѣѣ, — а Пророкъ предрекаетъ о жертвѣ чистой, которая будетъ приноситься на всякомъ мѣстѣ. Остается, вслѣдъ за св. Отцами, разумѣть подъ этою жертвою собственно святѣйшую евхаристію, какъ жертву, по истинѣ, новую (I Кор. 11. 25, 26), жертву чистую и Богоугодную, которая приносится на всякомъ мѣстѣ.

4) Такъ всегда смотрѣла на таинство тѣла и крови Господней св. католическая церковь, по преданію отъ самовидцевъ и служителей Слова. Это видно, во первыхъ, изъ всѣхъ ея литургій, гдѣ она, совершая евхаристію, торжественно исповѣдуетъ предъ Богомъ, что приносить Ему на св. жертвенникѣ словесную и безкровную жертву о всѣхъ и за вся. Во вторыхъ, изъ свидѣтельствъ вселенскихъ соборовъ, какъ-то: а) никейскаго I: «на свящ. трапезѣ лежитъ Агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхъ міра (Іоан. 1, 29), приносимый священниками въ жертву безкровную»; б) ефесскаго: «мы совершаемъ въ церквахъ безкровное жертвоприношеніе, и такимъ образомъ приступаемъ къ таинственнымъ благословеннымъ тайнамъ, и освящаемся, причащаясь святаго тѣла и честной

крови Христа, искупившаго всѣхъ»; в) трулльскаго: «понеже увѣдали мы, что въ различныхъ церквахъ, по нѣкому усилившемуся обычаю, виноградъ къ алтарю приносится, и священнослужители, соединяя оный съ безкровною жертвою приношенія, симъ образомъ обоя купно раздѣляютъ народу: того ради необходимымъ признаемъ, да никто изъ священнослужителей впредь сего не творить, но да преподають народу едино приношеніе, во оживотвореніе и грѣховъ отпущеніе»; г) никейскаго II: «ни Господь, ни Апостолы, ни Отцы безкровную жертву, приносимую священниками, никогда не называли образомъ, но самымъ тѣломъ и самою кровію». Наконецъ видно изъ безчисленныхъ свидѣтельствъ св. Отцевъ и учителей церкви, напримѣръ: Св. Игнатія Богоносца: «старайтесь пользоваться одною евхаристією: ибо одна плоть Господа нашего І. Христа и одна чаша по единству крови Его, одинъ жертвенникъ, какъ и одинъ епископъ (Epistol. ad Philadelph. с. IV). Св. Іустина мученика: «Мы приносимъ во имя Его всѣ жертвы, которыя заповѣдалъ приносить І. Христосъ, т. е. въ евхаристіи хлѣба и чаши. Сіи-то жертвы, приносимыя христіанами на всякомъ мѣстѣ, Богъ, приемя, свидѣтельствуеть, что онѣ благоугодны Ему. (Maleach. 1, 10). Св. Иринея: «(Иисусъ Христосъ) научилъ новому приношенію новаго завѣта, которое церковь, принявъ отъ Апостоловъ, по всему міру приносить Богу....., что такъ предъизобразилъ Малахія, одинъ изъ 12 пророковъ: нѣтъ моего благоволенія къ вамъ и проч. (Малах. 1, 10, 11), ясно показывая чрезъ это, что, хотя первый (т. е. іудейскій) народъ перестанеть приносить жертвы Богу, но будетъ приноситься Ему жертва на всякомъ мѣстѣ, и притомъ чистая, и имя Его будетъ прославляться между язычниками» (adv. Haeres. IV, 17). Св. Ипполита: «Послѣ вознесенія Его (І. Христа) мы, принося, по установленію Его, чистую и безкровную жертву, рукоположили епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, числомъ семь» (de Charism. с. XXVI). Св. Кипріана: «Кровь Христова не приносится, если нѣтъ въ чашѣ вина, и освященіе жертвы Господней совершается неправильно, если наше приношеніе и жертва не будетъ соответствовать страданію. . . . Ибо если

И Христосъ, Господь и Богъ нашъ, самъ есть верховный священникъ Бога и Отца, и первый принесъ самага Себя въ жертву Отцу, и заповѣдалъ творить сіе въ воспоминаніе о Немъ; то, значить, тотъ священникъ истинно совершаетъ дѣло Христа, который подражаетъ тому, что совершилъ Христосъ, и тогда приносить въ церкви истинную и полную жертву Богу Отцу, когда приносить такъ, какъ приносилъ самъ Христосъ» (Epist. LXIII ad Saecil.) О томъ же самомъ свидѣлствуютъ Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ, Тертуллианъ, Василій Великій, Амвросій, Іеронимъ, Августинъ и др.

О характерѣ евхаристической жертвы и ея отношеніи къ жертвѣ крестной Д-ръ Макарій говоритъ слѣдующее:

І. Жертва, приносимая Богу въ таинствѣ евхаристіи, по существу своему, совершенно одна и таже съ жертвою крестною. Ибо и нынѣ на жертвенникахъ церкви приносится тотъ же самый Агнецъ Божій, который принесенъ былъ за грѣхи міра на крестѣ, — таже самая пречистая плоть, которая страдала на крестѣ, таже самая пречистая кровь, которая излилась тогда. И нынѣ невидимо совершаетъ это таинственное жертвоприношеніе тотъ же самый вѣчный Первосвященникъ, который совершилъ и жертвоприношеніе крестное. Какъ тогда, такъ и теперь, одинъ и тотъ же и приносяй, и приносимый, и жертва и Архіерей, одинъ и тотъ же Испытатель міра—Христосъ. «Первосвященникъ нашъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, принесъ жертву, очищающую насъ; ту-же жертву, которая тогда принесена, приносимъ и мы нынѣ: она не истощается. Сіе бываетъ въ воспоминаніе тогда бывшаго: сіе творите, заповѣдалъ, въ мое воспоминаніе. Не иную жертву, но ту-же, какую тогда принесъ Первосвященникъ, всегда приносимъ мы, или болѣе совершаемъ воспоминаніе той жертвы». Такъ же учили св. Григорій нисскій, блаж. Феодоритъ и другіе. Но, по образу и обстоятельствамъ жертвоприношенія, евхаристическая жертва отличается отъ жертвы крестной. На крестѣ Господь Іисусъ видимо принесъ свое пречистое тѣло и свою пречистую кровь въ жертву Богу; въ евхаристіи Онъ приноситъ ихъ подъ видами хлѣба и вина. Тамъ Онъ непосред-

ственно—Самъ, какъ Первосвященникъ, совершилъ искупительное жертвоприношеніе: здѣсь хотя невидимо совершаетъ его также Самъ, но видимо посредствомъ пастырей церкви. Тамъ жертва принесена чрезъ дѣйствительное заколеніе Агнца, жертва кровавая,—ибо Господь Иисусъ дѣйствительно пострадалъ, проліялъ кровь свою и вкусилъ смерть по плоти: теперь, когда Онъ, воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ: смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти (Рим. 6, 9), теперь жертва приносится въ евхаристіи чрезъ таинственное преложеніе или пресуществленіе Духомъ Святымъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову (Лук. 22, 19, 20),—безъ страданій, безъ проліянія крови, безъ смерти, и потому называется жертвою безкровною и безстрастною, хотя и приносится въ воспоминаніе страданій и смерти божественнаго Агнца. Крестною жертвою совершенно искупленіе всего человѣчества и удовлетворена правда Божія за грѣхи всего міра: а жертва безкровная умиловляетъ Бога только за грѣхи тѣхъ людей, за которыхъ приносится и собственно усваиваетъ плоды жертвы голгоѣской людямъ, которые способны принять ихъ и усвоить. Наконецъ, жертва крестная принесена за родъ человѣческій только однажды на Голгоѣѣ; а безкровное жертвоприношеніе, со времени установленія его, совершалось, совершается и будетъ совершаться во спасеніе людей до втораго пришествія Господа (I Кор. 11, 25, 26), по всемъ странамъ міра, на безчисленныхъ жертвенникахъ. Вообще, сравнивая крестную жертву съ жертвою безкровною, можемъ выразиться, что первая служитъ какъ бы сѣменемъ или корнемъ, а послѣдняя деревомъ, которое произрасло отъ этого сѣмени, всецѣло утверждается на этомъ корени, питается изъ него живительными соками, и такимъ образомъ произращаетъ спасительные плоды жизни,—такъ что обѣ жертвы и нераздѣльны между собою, составляютъ собственно одну жертву, и вмѣстѣ различаются между собою. Это одно и то же благодатное древо жизни, насажденное Богомъ на Голгоѣѣ, но наполняющее таинственными вѣтвями своими всю церковь Божію и питающее своими спасительными плодами всѣхъ, ищущихъ жизни вѣчной.

II. Будучи, по существу своему, истинною жертвою Богу, святѣйшая евхаристія, по своимъ свойствамъ, есть жертва не только хвалебная и благодарственная, но и умиловительная, приносимая за всёхъ, живущихъ и умершихъ (Посл. восточ. патр. о православной вѣрѣ чл. 17).

Она есть жертва хвалебная и благодарственная. Эти свойства безкровной жертвы ясно указалъ самъ Спаситель при установленіи ея, когда, пріявъ хлѣбъ, прежде всего хвалу воздавъ и благодаривъ, преломилъ и за тѣмъ преподалъ ученикамъ своимъ, говоря сіе есть тѣло мое (Лук. 22, 19. 20; I Кор. 11, 23. 24). Такъ точно и донинѣ въ православной церкви священнодѣйствующій безкровную жертву, по чину литургіи св. Василія Великаго и св. Іоанна Златоустаго, прежде освященія Даровъ на жертвенникѣ, воспоминая въ тайной молитвѣ своей великія дѣла Божіи—созданіе человѣка изъ небытія, многоразличное попеченіе о немъ послѣ паденія и домостроительство спасенія его чрезъ Іисуса Христа, прославляетъ и благодаритъ Бога Отца, Единороднаго Сына Его, Спасителя міра, и Всесвятаго Духа. Равнымъ образомъ и всё Христіане, присутствующіе во храмѣ, когда на св. трапезѣ возносится Богу безкровная жертва, взываютъ къ Нему: Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи. . . Съ такими же хваленіями и благодареніями совершалось приношеніе безкровной жертвы и всегда отъ дней самихъ св. апостоловъ, какъ показываютъ древнѣйшія литургіи св. апостола Іакова и помѣщенная въ Постановленіяхъ апостольскихъ, и свидѣтельствуеть св. мученикъ Іустинъ. «По окончаніи молитвъ, говоритъ онъ, мы привѣтствуемъ другъ друга лобзаніемъ. Потомъ къ предстоятелю братіи приносятся хлѣбъ и чаша воды и раствореннаго вина: онъ, взявъ сіе, возсылаетъ именемъ Сына и Духа Святаго хвалу и славу Отцу всёхъ, и особенное приноситъ Ему благодареніе за то, что Онъ удостоилъ насъ сего. Когда онъ совершитъ молитвы и благодаренія, весь присутствующій народъ возглашаетъ: аминь.

Евхаристія есть вмѣстѣ жертва умиловительная за живыхъ и умершихъ. Ибо она, какъ мы видѣли, по существу своему,

совершенно тождественна и нераздѣльна съ жертвою крестною; а крестная жертва, безъ всякаго сомнѣнія, принесена въ умило- стивленіе Бога за грѣхи всѣхъ людей. Кромѣ того, и это свой- ство безкровной жертвы ясно указалъ самъ Спаситель при установленіи ея. Преподавая ученикамъ тѣло свое, Онъ именно сказалъ: которое за Васъ предается, и преподавая свою кровь, присовокупилъ: которая за васъ и за многихъ проливается во оставленіе грѣховъ. Посему-то отъ начала христіанства безкровная жертва была приносима церковію за спасеніе всѣхъ, живущихъ и умершихъ. Это видно изъ чино- послѣдованій всѣхъ литургій, начиная съ литургіи св. апостола Такова, въ которыхъ нерѣдко жертва сія и прямо называется жертвою умилоствивленія, или умилоствивительнымъ жертвоприно- шеніемъ. Видно также изъ свидѣтельствъ древнихъ учителей христіанскихъ, напримѣръ: а) Тертуліана, который говоритъ о приношеніи ея за живыхъ и умершихъ; б) св. Кипріана, который упоминаетъ о приношеніи ея за умершихъ; в) св. Ки- рилла Іерусалимскаго, который, кромѣ того, что ясно называетъ и жертвою умилоствивительною, столь же ясно исповѣдуетъ: «мы приносимъ Христа, закланнаго за наши пре- грѣшенія, умилоствивляя за нихъ (умершихъ) и за насъ человеко- любца Бога»; г) св. Іоанна Златоустаго, у котораго, между прочимъ, читаемъ: «не напрасно дѣлаемъ мы поминовенія объ отшедшихъ предъ божественными Тайнами и, приступая, умоляемъ за нихъ подлежащаго Агнца, взявшаго грѣхъ міра, но чтобы отселѣ было имъ какое либо утѣшеніе; не напрасно предстоящій передъ жертвенникомъ, на которомъ совершаются страшныя Тайны, взываетъ о всѣхъ, во Христѣ почившихъ и о совершающихъ поминовеніе о нихъ. Еслибы не было за нихъ поминовеній издревле, отъ временъ апостольскихъ; то и сего не говорили бы. Наше служеніе не забава,—да не будетъ!—но совершается по устроенію Духа.... Да не облѣнимся помогать отшедшимъ и приносить за нихъ молитвы: ибо предлежитъ общая для всего міра очистительная жертва. Посему съ дерзновеніемъ молимъ мы тогда о вселенной и произносимъ имена почившихъ на ряду съ мучениками, исповѣдниками и священниками.»

Такъ совершаетъ христіанская церковь, въ таинствѣ евхаристіи, новозавѣтную, вмѣстообразную (*nachbildliche*), безкровную жертву, какъ Израиль на своихъ алтаряхъ совершалъ ветхозавѣтную, прообразовательную (*vorbildliche*) кровавую жертву. Но умиловительная сила обѣихъ заключается и заключалась въ той святой жертвѣ, въ которой Сынъ Божій и человѣскій принесъ самого Себя на Голгоѣѣ. Евхаристія есть глубокое, божественное таинство, которое Самъ Господь учредилъ въ своей церкви и въ которомъ, подъ видою хлѣба и вина, духовно (*vergegenwärtigt*), извѣстнымъ образомъ вкратцѣ повторяется (*recapitulirt*) умиловительное жертвоприношеніе Христово для приходящаго грѣшника, который, чрезъ приобщеніе таинственно преложенныхъ въ тѣло и кровь Христову евхаристическихъ элементовъ, можетъ усвоить себѣ умиловительную силу принесенной на Голгоѣѣ крестной жертвы, подобно тому какъ церковь, при совершеніи этого таинства, ходатайственно воспоминаетъ своихъ во Христвѣ усопшихъ братій, дабы и имъ еще далѣе была во благо умиловительная сила этой жертвы.

Таково было ученіе древле-каволической, таково еще теперь ученіе восточной церкви, и хотя Римъ искажилъ это ученіе злоупотребленіями, однакожь въ этомъ, конечно, едвали могло заключаться для реформаторовъ право совершенно отмѣнить значеніе евхаристіи какъ жертвы и отвергнуть это ученіе первобытной церкви, ясно подтверждаемое памятниками христіанской древности.

Говоря о таинствахъ, надобно еще подробно изложить ученіе о покаяніи и весьма тѣсно связанное съ нимъ ученіе объ оправданіи, составляющее главный спорный пунктъ между римскою и протестантскою церковію.

Ученіе объ оправданіи есть безспорно блистательный пунктъ протестантской церкви, и неоспоримая и непреходимая заслуга реформаторовъ, предъ оцѣненъвшими въ мертвыхъ дѣлахъ западными христіанами, состоитъ въ томъ, что первые снова открыли живой родникъ спасенія, почти заваленный презрительными человѣческими учрежденіями. Въ этомъ ученіи протестантская церковь

имѣть непереходящій зародышъ жизни, который, несмотря на всѣ недостатки ея внѣшняго устройства, несмотря на ея много-различныя преступленія, отъ которыхъ она не могла себя предохранить, будетъ держать и носить ее, пока не придетъ время, когда Господу угодно будетъ, чрезъ новый сильный дождь Своего Святаго Духа, возсобрать разсѣянное, воссоединить раздѣленную, распавшуюся церковь и милостиво исцѣлить всѣ ея болѣзни. «Благодатію вы спасены чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился». (Ефес. II, 8, 9). Вотъ высокая истина, все болѣе и болѣе отвергаемая западными христіанами и возвѣщаемая и проповѣдуемая реформаторами съ такимъ искреннимъ, полнымъ убѣжденіемъ, какое напоминаетъ собою первыя времена, свѣжее утреннее дуновеніе христіанства.

Кто только сдѣлался причастникомъ этого божественнаго дара благодати, тотъ сумѣетъ утвердить и истинное отношеніе вѣры и добрыхъ дѣлъ, соединить ученіе ап. Павла съ ученіемъ ап. Іакова и представить ихъ полное согласіе. Насъ спасаетъ вѣра, дѣйствующая любовію. Павелъ ревнуетъ противъ мертвыхъ дѣлъ, какъ Іаковъ противъ мертвой вѣры; ни первая, ни послѣдняя не могутъ насъ оправдать предъ Богомъ, только живое сплетеніе (Ineingreifen) тѣхъ и другой. Такъ учила древняя, такъ учитъ еще нынѣ восточная и вмѣстѣ съ нею протестантская церковь. Если сія послѣдняя въ своихъ спорахъ съ Римомъ весьма сильно упирала на одну вѣру, такъ что могла дать поводъ къ недоразумѣніямъ, то это надобно приписать только жару спора, который, при стремленіи къ точному различенію, такъ часто приводитъ къ крайнимъ образамъ выраженія, переступающимъ за собственное убѣжденіе. Но по истинѣ она не отвергаетъ необходимости добрыхъ дѣлъ, а только хочетъ сохранить за вѣрою ея право первородства, за вѣрою, которая, чтобы доказать себя дѣлами въ любви, должна сперва возникнуть въ сердцѣ, и, слѣдовательно, центръ тяжести нашего оправданія долженъ опираться скорѣе на нее, чѣмъ на необходимо вырастающіе изъ нея плоды.

Напротивъ, какую часть добрымъ дѣламъ при оправданіи

уступаетъ Римъ, это ясно видно изъ его ученія объ институтѣ покаянiя. Отъ кающагося грѣшника онъ требуетъ сокрушенiя (о грѣхахъ), исповѣди и удовлетворенiя (*satisfactio*)— въ налагаемыхъ на него церковiю епитимiяхъ и дѣлахъ милосердiя, тогда какъ протестантская церковъ требуетъ отъ него: сокрушенiя, исповѣди и вѣры въ удовлетворенiе Христово. Такимъ образомъ, приписывая заслугу человѣческимъ дѣламъ, какъ будто онѣ могутъ удовлетворять оскорбленному величiю Божию, римская церковъ противорѣчитъ основной истинѣ христіанской вѣры и уменьшаетъ заслугу Христову, поставляя ее на второй планъ.

Конечно, и первобытная церковъ налагала на своихъ кающихся чадъ благочестивыя упражненiя, какъ это дѣлаетъ и нынѣ еще восточная церковъ, но отнюдь не въ римскомъ смыслѣ, какъ будто чрезъ это имѣется въ виду удовлетворить правосудiю Божию, а скорѣе въ смыслѣ материнской дисциплины, употребляющей для причиненныхъ грѣхомъ душевныхъ недуговъ соотвѣтствующее врачевство. Протестантская церковъ совсѣмъ отмѣнила эти наказанiя (епитимiи) и чрезъ это навлекла на себя отъ своихъ противниковъ упрекъ, что она весьма легко относится къ покаянiю и содержитъ грѣшника въ ложной надеждѣ. Этотъ упрекъ, конечно, не основателенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда грѣшникъ рѣшительно пробудился и съ глубокимъ сокрушенiемъ сердца, съ живою вѣрою обращается къ Господу: сильное дѣйствiе Святаго Духа въ сердцѣ самаго грѣшника безспорно далеко превосходитъ всякую епитимiю, которая могла бы быть наложена внѣшнимъ образомъ. Но онъ основателенъ, однакожь, въ отношенiи къ массамъ, мало проникнутымъ еще духовнымъ возбужденiемъ, которыя поэтому прежде тщательно должны быть доведены до истинно христіанскаго настроенiя. На нихъ протестантская церковъ вообще очень мало обратила вниманiя. Самое приготовленiе къ причащенiю, при многодневномъ постѣ и каждодневно повторяющихся молитвахъ и богослужебныхъ упражненiяхъ,—какъ это обычно въ восточной церкви,—должно много способствовать къ тому, чтобы настроить сердце грѣшника къ большему раскаянiю, яснѣе открыть ему недугъ человѣческаго

сердца и нагляднѣе показать ему, сколько труда и заботъ мы причинили своими грѣхами нашему Спасителю и Ходатаю. Напротивъ, приготовленіе къ причащенію, какъ оно бываетъ обыкновенно у насъ, и образъ котораго предоставляется собственно благоусмотрѣнію каждаго порознь, а, со стороны церкви, ограничивается лишь краткою рѣчью объ исповѣди,—такое приготовленіе дѣйствительно оставляетъ желать еще многого.

Конечно, первоначальный образъ самой исповѣди въ протестантской церкви, въ теченіе время, существенно измѣнился. Реформаторы отнюдь не отмѣнили подробной исповѣди грѣховъ передъ духовникомъ, напротивъ, такого рода частную исповѣдь удержали, какъ необходимое условіе для допущенія къ таинству евхаристіи. Только уничтожено было ненавистное названіе «наушная исповѣдь» (Ohrenbeichte), потому что оно очень напоминало злоупотребленія, совершавшіяся и совершающіяся въ римской церкви съ этимъ благодѣтельнымъ институтомъ. Но съ наступившимъ ослабленіемъ, частная исповѣдь въ протестантской церкви мало по малу вышла изъ употребленія и большинство нынѣ живущихъ протестантовъ едва ли знаетъ, что этотъ обычай нѣкогда существовалъ въ ихъ церкви.

Даже кажется, что и въ разные періоды христіанской церкви вообще существовалъ неодинаковый образъ исповѣди. Первоначально *) исповѣдь грѣховъ была публичная, вслухъ предъ церковію. Впослѣдствіи, въ виду все болѣе и болѣе возрастающаго числа вѣрующихъ и во избѣжаніе публичнаго соблазна, поставлены были особенные духовники, обязанные принимать такія исповѣди грѣховъ и подавать свое мнѣніе о возможности разрѣшенія кающихся. Въ позднѣйшій періодъ, кажется, и этотъ образъ исповѣди вышелъ изъ употребленія. Такъ Іоаннъ Златоустъ (Hom. 31 in. Hebr.) говоритъ: «я не требую, чтобы ты публично исповѣдалъ свои грѣхи, или чтобы ты обвинялъ себя предъ другими, но я увѣщаваю тебя вѣрить пророку, который говоритъ: «открой сердце

*) Первоначально исповѣдь была и публичная и тайная, потомъ публичная отмѣнена, осталась въ употребленіи только тайная. Пер.

твое предъ Богомъ.» Посему исповѣдай (свои грѣхи) твоему Судии, если не гласно, то, по крайней мѣрѣ, мысленно, и проси Его отпустить тебѣ оныя». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же отецъ церкви (Hom. 30 de Dei Nat.) говоритъ: «не нужно, чтобы ты совершилъ твое исповѣданіе грѣховъ предъ свидѣтелями. Предприми испытаніе твоихъ грѣховъ въ мысляхъ; соверши это испытаніе безъ свидѣтелей, предоставь одному Богу слышать твою исповѣдь». Далѣе въ той-же бесѣдѣ: я не обязываю васъ исповѣдывать ваши грѣхи челоуѣкамъ. Откройте вашу совѣсть предъ Богомъ, покажите Ему ваши язвы и просите у него врачевства.» Если эти слова должны быть отнесены къ всеобщему обычаю церкви, то изъ этого видно, что въ IV вѣкѣ образъ исповѣди былъ весьма близокъ къ соблюдаемому нынѣ въ протестантской церкви. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что обязательство предъ причащеніемъ св. Таинъ подробно исповѣдать грѣхи предъ духовникомъ, вскорѣ за симъ сдѣлалось господствующимъ въ церкви, какъ всеобщее правило. И это учрежденіе бесспорно имѣетъ свое хорошее основаніе, потому что оно цѣлесообразно. Частное, съ смиреннымъ раскаяніемъ произнесенное предъ священникомъ исповѣданіе грѣховъ не только имѣетъ очищающее дѣйствіе на сердце самого грѣшника, но и даетъ духовнику открытый и вѣрный взглядъ на вѣренное его духовному попеченію сердце, такъ что онъ можетъ дать каждому то, что именно ему нужно, и поставляется въ состояніе: нуждающимся въ утѣшеніи преподавать обильное утѣшеніе евангелія, имѣющимъ надобность въ совѣтѣ помочь мудрымъ совѣтомъ, легкомысленныхъ и заблудшихъ возвратить на правый путь, посредствомъ серьезныхъ увѣщаній и соответствующихъ наказаній (епитимій).

Исповѣданіе, однакожь, должно открывать грѣхъ, только какъ нравственное преступленіе и лишь настолько, насколько онъ вредитъ собственной душѣ, но не должно вмѣстѣ открывать особенностей, при коихъ онъ совершенъ и посредствомъ которыхъ онъ коснулся соціальной и семейной жизни. Непроститель-

ный грѣхъ Рима состоитъ именно въ томъ, что онъ не удержалъ этой межевой линіи, что онъ унижилъ исповѣдь до орудія своего деспотизма, злоупотреблялъ ею для обладанія всеми соціальными и семейными отношеніями. Такимъ образомъ, въ римской церкви исповѣдь извратилась въ мучительный инквизиторскій допросъ и вмѣсто того, чтобы быть врачевствомъ для смущенной грѣхомъ совѣсти, весьма часто должна, напротивъ, служить для нечистыхъ цѣлей властолюбиваго, ультрамонтанскаго — духовенства. Противъ такого безпорядка справедливо долженъ быть произнесенъ полный приговоръ отверженія. Но нельзя не сожалѣть, что въ протестантской церкви не употребляется болѣе очищенный реформаторами образъ частной исповѣди.

Послушаемъ теперь, какъ учитъ восточная церковь о покаяніи и церковныхъ епитиміяхъ. Въ сочиненіи д-ра Макарія говорится объ этомъ слѣдующее: «Покаяніе, понимаемое въ смыслѣ таинства, есть такое священнодѣйствіе, въ которомъ пастырь церкви, силою Духа Святаго, разрѣшаетъ кающагося и исповѣдующагося христіанина отъ всехъ грѣховъ, совершенныхъ имъ послѣ крещенія, такъ что христіанинъ снова дѣлается невиннымъ и освященнымъ, какимъ онъ вышелъ изъ водъ крещенія. Соотвѣтственно этому древніе учителя церкви называли таинство покаянія разрѣшеніемъ (Tertull. de poenit. c. IX. X.), исповѣдью, (Jrin. adv. Haeres. 1, 13. 5, 7), примиреніемъ (Август. de civit. Dei XX, 9), вторымъ крещеніемъ (Concil. Carthag. V, c. XI), второю доскою послѣ кораблекрушенія (Tertull. de poenit. IV, Hieron. Epist. ad Pammach. et Ocean. et errore, Origen. epist. XVII ad Demetr. de s. virg). Но для того, чтобы приступающій къ таинству покаянія могъ дѣйствительно получить отпущеніе грѣховъ, отъ него требуются, по ученію православной церкви (прав. испов. ч. 1, отв. на вопр. 112 и 113; простр. катих. о покаяніи), слѣдующія условія:

1) Сокрушеніе о грѣхахъ.... Сокрушеніе это должно простекать не изъ страха только наказаній за грѣхи, не изъ представленія вообще однихъ гибельныхъ для насъ послѣдствій отъ нихъ въ настоящей и будущей жизни, а преимущественно изъ любви къ Богу, котораго волю мы нару-

шили, изъ живѣйшаго сознанія, что мы оскорбили грѣхами своими величайшаго Благодѣтеля и Отца, явились неблагодарными предъ Нимъ, содѣлались недостойными Его. Печаль перваго рода безъ послѣдней была бы только печаль рабская, а не сыновняя, печаль собственно по насъ самихъ, а не по Бозѣ, и хотя могла бы, какъ слѣдствіе страха Божія, содѣлаться для насъ началомъ премудрости, т. е. началомъ нашего обращенія отъ нечестія къ добродѣтели, но не была бы еще совершенна и вполне душеспасительна. Только послѣдняго рода печаль, какъ печаль ради Бога, производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію. (2 Кор. 7, 10). Только любовь къ Богу, одушевляющая сокрушающагося о грѣхахъ своихъ грѣшника, привлекаетъ на него полное благословеніе Божіе и отпущеніе грѣховъ....

2. Твердое намѣреніе впредь исправить свою жизнь.....

3. Вѣра во Іисуса Христа и надежда на Его милосердіе. Ибо о Немъ всѣ пророки свидѣтельствуютъ, что всякій вѣрующій въ Него получитъ прощеніе грѣховъ именемъ Его (Дѣян. 10, 43). Онъ одинъ примирилъ насъ съ Богомъ своею крестною смертію (Рим. 5, 1. 2; 8, 24. 25); Онъ одинъ есть вѣчный нашъ Первосвященникъ, посему и можетъ всегда спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу, будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать за нихъ. (Евр. 7, 25). Слѣдовательно безъ вѣры во Христа Спасителя и надежды на Него, какъ бы ни было глубоко наше сокрушеніе о грѣхахъ и твердо наше намѣреніе исправить свою жизнь, мы никогда не удостоились бы получить отъ Бога отпущеніе грѣховъ (снес. §§ 153. 197).

4. Устное исповѣданіе грѣховъ предъ священникомъ. Необходимость этого исповѣданія сама собою очевидна изъ того, что разрѣшить грѣхи въ таинствѣ покаянія долженъ священникъ, а чтобы разрѣшить какіе либо грѣхи, надобно напередъ знать ихъ. И такъ какъ самъ Господь даровалъ пасты-

рямя Церкви Божественную власть вязать и рѣшить (Іоан. 20, 22. 23), и, безъ сомнѣнія, не съ тою цѣлю, чтобы они вязали и рѣшили по безотчетному произволу, но чтобы, напротивъ, отпускали грѣхи именно тѣмъ, кому можно отпустить, судя по свойству ихъ раскаянія и по степени ихъ грѣховъ, а не отпускали тѣмъ, которые окажутся недостойными прощенія, по своей ли нераскаянности или по тяжести своихъ преступленій: то исповѣданіе грѣховъ предъ пастырями церкви въ таинствѣ покаянія, необходимо предполагаемое Богодарованною имъ властію вязать и рѣшить, несправедливо должно считать учрежденіемъ Божественнымъ.

Когда, такимъ образомъ, кающійся христіанинъ, съ искреннимъ сокрушеніемъ о своихъ грѣхахъ, съ твердымъ намѣреніемъ впредь исправить свою жизнь, съ живою вѣрою во Христа Спасителя и надеждою на Него, приходитъ къ пастырю церкви и исповѣдуетъ предъ нимъ свои беззаконія: служитель Божій внимаетъ исповѣданію, и именемъ Господа Іисуса разрѣшаетъ, отпускаетъ, прощаетъ все грѣхи истинно кающагося. Слѣдовательно:

1. Къ видимой сторонѣ таинства покаянія относятся существенныя дѣйствія: а) исповѣданіе грѣховъ, которое произноситъ кающійся христіанинъ предъ священнослужителемъ, и—б) разрѣшеніе грѣховъ, произносимое священнослужителемъ, по выслушаніи исповѣди. Это разрѣшеніе, по чину православной церкви выражаетъ священнослужитель въ слѣдующихъ словахъ: «Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами своего человеколюбія, да проститъ ти, чадо, вся прегрѣшенія твоя, и азъ недостойный іерей, властію Его, данною мнѣ, прощаю и разрѣшаю тя отъ всехъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь.»

2. Невидимыя, благодатныя дѣйствія таинства покаянія суть: а) непосредственное — отпущеніе грѣховъ и оправданіе (Іоан. 20, 23; снес. Лук. 18, 13. 14; Езек. 18, 21; Іоил. 2, 31), и вслѣдъ за тѣмъ—б) примиреніе съ Богомъ (Лук. 15, 17—24; снес. Рим. 5, 1, 2; 2 Кор. 5, 19), в) освобожденіе отъ вѣчныхъ наказаній за грѣхи и надежда на вѣчное спасеніе (Лук. 19, 7—9, 23, 42. 43).

3. Должно знать, что невидимыя дѣйствія благодати въ таинствѣ покаянія, по своей обширности и могуществу, простираются на всѣ беззаконія человѣческія, и нѣтъ грѣха, который бы не могъ быть прощенъ людямъ, если только они искренно въ немъ покаются и исповѣдаютъ его съ живою вѣрою въ Господа Иисуса и надеждою на Его заслуги. Ибо я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію (Матѣ. 9, 13; 18, 11); такъ нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ. . . (18, 14), — говорилъ Спаситель, — и, какъ ни велико было грѣхопаденіе ап. Петра, простилъ и его, когда онъ истинно покаялся. Не медлитъ Господь исполненіемъ своего вѣданія, какъ нѣкоторые почитаютъ то медленіемъ; но долготерпитъ насъ, учили такъ же св. апостолы, не желая, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію (2 Петр. 3, 9). Если бы кто согрѣшилъ, то мы имѣемъ ходатая предъ Отцемъ, Иисуса Христа, праведника. Онъ есть умилоствленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра (1 Иоан. 2, 1. 2). Если исповѣдуемъ грѣхи наши, то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши, и очиститъ насъ отъ всякой неправды (—1, 9). И извѣстно, что св. Петръ призывалъ къ покаянію даже тѣхъ іудеевъ, которые распяли истиннаго Мессію (Дѣян. 2, 28. 37. 38, и потомъ призывалъ Симона волхва, родоначальника всѣхъ еретиковъ (Дѣян. 8, 22); а св. Павелъ разрѣшилъ и покаывашагося кровосмѣсителя, подвергнувъ его предварительно только временному отлученію (2 Кор. 2, 7). Если же въ Словѣ Божіемъ упоминается о хулѣ на Духа Святаго, которая не отпустится человѣкомъ (Матѣ. 12, 31), и о грѣхѣ смертномъ, о прощеніи котораго не заповѣдано даже молиться (1 Иоан. 5, 16); то надобно помнить, что подъ именемъ первой разумѣется упорное противленіе очевидной истинѣ Божіей, совершенное невѣріе и нераскаянность, а подъ именемъ послѣдняго также жестоковѣйное возстаніе на благочестіе и истину, и упорное пребываніе въ неисправленіи. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ

случаѣ предполагается только нравственная невозможность отпущенія грѣховъ, — невозможность со стороны самихъ грѣшниковъ, а не со стороны благодати. А коль скоро и въ этихъ грѣхахъ грѣшники искренно раскаются: они получаютъ прощенье отъ Бога. «Ибо, говоритъ св. Златоустъ о хулѣ на св. Духа, и сія вина была отпущена раскаявшимся. Многіе изъ тѣхъ, которые изрыгали хулы на Духа, въ послѣдствіи увѣровали, и все имъ было отпущено.»

Св. православная церковь ясно выразила это вѣрованіе свое въ возможность отпущенія всѣхъ грѣховъ чрезъ таинство покаянія, когда, во первыхъ, осудила монтанистовъ, утверждавшихъ, будто она не имѣетъ власти разрѣшить въ покаяніи нѣкоторыхъ грѣховъ тяжкихъ, каковы: идолослуженіе, человекоубійство, плотская нечистота; во вторыхъ, осудила новаціанъ, которые сначала отнимали у церкви власть сію по отношенію къ однимъ отпадшимъ отъ вѣры во время гоненій, а потомъ и по отношенію ко всѣмъ грѣхамъ смертнымъ и даже простительнымъ; наконецъ, когда на соборахъ опредѣлила правила, по которымъ, хотя грѣшники подвергаются разнымъ, иногда весьма тяжкимъ, епитиміямъ за свои грѣхи, но, послѣ надлежащаго исполненія епитимій, непременно удостоиваются разрѣшенія своихъ грѣховъ, какъ бы велики они ни были.

1. Подъ именемъ епитимій разумѣются запрещенія или наказанія (2 Кор. 3, 6), которыя, по правиламъ церковнымъ, священнослужитель, какъ духовный врачъ, опредѣляетъ нѣкоторымъ изъ кающихся христіанъ для уврачеванія ихъ нравственныхъ болѣзней (Всел. Соб. VI, прав. 102). Таковы, на примѣръ, извѣстнѣйшіе роды епитимій: постъ особенный сверхъ положеннаго для всѣхъ, ежедневное хожденіе во храмъ на всѣ службы церковныя, молитва домашняя, соединенная съ опредѣленнымъ числомъ поклоновъ, раздаяніе милостыни, путешествія къ св. мѣстамъ, отлученіе отъ причастія св. таинъ на большее или меньшее время (Прав. Исп. ч. 1, отв. на вопр. 113). Епитиміи назначаются не всѣмъ, а только нѣкоторымъ кающимся христіанамъ: именно тѣмъ, которымъ, по тяжести ли и качеству ихъ грѣховъ, или по свойству покаянія, оказываются нужными эти духовныя

врачества для совершеннаго ихъ исцѣленія (Св. Григ. Нисск. прав. 5).

2. Власть налагать епитиміи на нѣкоторыхъ кающихся и какъ бы связывать ихъ на время своими запрещеніями Церковь получила отъ самаго Господа вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ получила отъ Него власть и отпущать грѣхи. Ибо Господь сказалъ св. Апостоламъ, а слѣд. и ихъ преемникамъ, не только: что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ, но и: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ. (Матѣ. 18, 18),—не только: кому простите грѣхи, тому простятся, но вмѣстѣ: на комъ оставите, на томъ останутся. (Іоан. 20, 23). Св. Апостолы, дѣйствительно, и пользовались этою властію,

3. Св. церковь, по преемству отъ св. Апостоловъ, также употребляла епитиміи съ самаго начала своего существованія. Это извѣстно:

а) Изъ свидѣтельствъ св. Иринея, Тертуліана, Кипріана *), и постановленій Апостольскихъ **).

б) Изъ чина общественнаго покаянія, существовавшаго въ древней Церкви. По этому чину кающіеся подраздѣлялись на четыре класса, изъ которыхъ каждый стоялъ подъ особенною епитиміею: плачущихъ, которые не имѣли права присутствовать при общественномъ Богослуженіи, и находились распростертыми на паперти церковной и съ плачемъ просили входящихъ въ храмъ молиться за нихъ Богу; слушающихъ, которымъ дозволялось входить въ притворъ церковный и участвовать въ слушаніи св. Писанія и поученій, пока совершалась литургія оглашенныхъ; колѣнопреклоненныхъ, входившихъ въ самый храмъ и присутствовавшихъ при богослуженіи нѣсколько долѣе, но обыкновенно стоявшихъ на колѣнахъ у дверей храма; и купностоящихъ, которые стояли вмѣстѣ съ вѣрными въ продолженіи всей литургіи, но не могли участвовать съ ними въ причащеніи св. Христовыхъ Таинъ.

*) Ирин. Adv. haer. 1, 13, —н. 5; III, 4; Терт. De poenit. c. 6. 7. 10. 11. Кипр. Epist. VII, LIJ.

**) Const. Apost. II, 16. 18. 41.

в) Изъ многочисленныхъ правилъ, соборныхъ и отеческихъ, касательно разнаго рода епитимій, ихъ свойствъ, степеней, перемѣнъ и под.

Епитиміи, хотя, по существу своему, суть наказанія, но, по значенію, наказанія только исправительныя, врачевныя, отеческія, точно такія, о какихъ говоритъ Апостоль: Ибо Господь, кого любитъ, того наказываетъ (Евр. 12, 6), и въ другомъ мѣстѣ: мы наказываемся отъ Господа, чтобы не быть осужденными съ міромъ (1 Кор. XI, 32). А отнюдь не наказанія въ собственномъ смыслѣ, какъ учитъ римская Церковь, которая будто-бы долженъ временно понести кающійся грѣшникъ, чтобы удовлетворить за грѣхи свои оскорбленной правдѣ Божіей. Короче: епитиміи — врачевства отъ грѣховъ, а не вознагражденія, не удовлетворенія за грѣхи вѣчной правдѣ.

I. Въ доказательство первой мысли, опредѣляющей истинное значеніе епитимій, призываемъ во свидѣтели: 1) св. Апостола Павла. Онъ, какъ мы видѣли, наложилъ тяжкое наказаніе на коринѣскаго кровосмѣсника, которое самъ же назвалъ епитиміею, — повелѣлъ отлучить такового отъ Церкви, предать сатанѣ во изможденіе плоти. . . . Съ какою же цѣлію? Чтобы духъ былъ спасенъ въ день Господа нашего Іисуса Христа (1 Кор. 5, 1—5). И потомъ, какъ только замѣтилъ, что епитимія произвела въ грѣшникѣ скорбь, раскаяніе, тотчасъ снялъ ее (2 Кор. 2, 7). Слѣд. Апостоль наказывалъ не для того, чтобы собственно наказать и чрезъ наказаніе удовлетворить правдѣ Божіей, а чтобы исправить, и, когда врачевство благотворно подѣйствовало, отнять его, именно потому, чтобы дальнѣйшее употребленіе его, какъ уже излишняго, вмѣсто пользы, не причинило только вреда больному, дабы онъ не былъ поглощенъ чрезмѣрною печалію (2 Кор. 2, 7).

2) Правила св. Соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. Отцевъ. Изъ этихъ правилъ съ непререкаемою ясностію видно: а) что древніе учителя Церкви, если считали епитиміи за наказанія, то за наказанія только исправительныя, и прямо называли ихъ духовными врачевствами; б) что, налагая епитиміи на грѣшни-

ковъ, не о томъ заботились, лишь бы только справедливо наказать одного больше, другаго меньше, по мѣрѣ преступленій каждаго, для надлежащаго удовлетворенія правдѣ Божіей за грѣхи, а чтобы именно приспособить епитиміи, какъ врачевства, къ свойству и степени духовныхъ болѣзней; в) что единственною цѣлю епитимій предъ Богомъ и предъ Церковію признавали не какое либо удовлетвореніе правдѣ Божіей за грѣхи, а только уврачеваніе грѣшниковъ, предохраненіе ихъ отъ грѣховъ на будущее время; г) что, потому, не дожидались непременно, пока грѣшникъ понесетъ сполна опредѣленное ему наказаніе, и такимъ образомъ удовлетворитъ правдѣ Божіей, а, напротивъ, если замѣчали благотворное вліяніе этихъ наказаній на грѣшника, уменьшали ихъ, сокращали время епитимій или даже совсѣмъ снимали ихъ; д) что, наконецъ, епитиміи налагали не за всѣ грѣхи, а только за нѣкоторые важнѣйшіе, и слѣд. вовсе не считали епитимій за удовлетворенія правдѣ Божіей: иначе такого удовлетворенія, хотя въ различной степени, надлежало бы требовать за каждый грѣхъ, большой или малый. А чтобы понять, какимъ образомъ епитиміи могутъ служить врачевствами противъ духовныхъ болѣзней, — для этого надобно взять во вниманіе слѣдующее:

а) Епитиміи, какъ наказанія церковныя, естественно смиряютъ гордость грѣшника, научаютъ его глубже сознать свою виновность предъ Богомъ и предъ Церковію, возбуждаютъ въ немъ ненависть ко грѣхамъ и желаніе исправиться. И слѣд. епитиміи указываютъ кающимся христіанамъ опредѣленное поприще для дальнѣйшаго упражненія и большаго укрѣпленія всѣхъ тѣхъ благихъ чувствованій и измѣненій, какія имѣютъ кающіеся во-время самаго покаянія, и которыя должны послужить началомъ въ дѣлѣ ихъ исправленія.

б) Епитиміи, большею частію, состоятъ изъ какихъ-либо благочестивыхъ упражненій, которыя прямо бываютъ направлены противъ извѣстныхъ страстей и пороковъ грѣшника, и потому непосредственно способствуютъ къ искорененію ихъ. Такъ чело-вѣку невоздержному и сластолюбцу назначается епитиміею воздержаніе, постъ, скупому или хищнику — раздаваніе милостыни;

разсѣянному и гоняющемуся за мірскими удовольствіями—частое хожденіе въ церковь, чтеніе св. Писанія, домашняя молитва и под. Очевидно, что чѣмъ болѣе каждый изъ этихъ грѣшниковъ будетъ съ благимъ расположеніемъ выполнять назначенную ему епитимію, тѣмъ болѣе онъ будетъ отвыкать отъ прежнихъ своихъ слабостей и наклонностей, и пріобрѣтаетъ противоположный навѣкъ.

II. Несправедливо ученіе римской церкви, будто епитиміи суть наказанія въ собственномъ смыслѣ, хоть и временныя, которыя долженъ потерпѣть кающійся, чтобы принести за грѣхи свои нѣкоторое удовлетвореніе правдѣ Божіей. Это—

1) Противно христіанскому ученію объ удовлетвореніи правдѣ Божіей и объ оправданіи грѣшника. Слово Божіе учитъ, что полное и совершенное удовлетвореніе правдѣ Божіей за всѣ грѣхи рода человѣческаго принесъ однажды на всегда Христосъ Спаситель; что Онъ потерпѣлъ всю тяжесть страданій, какимъ должны были подвергнуться грѣшники за свои беззаконія (Ис. 53, 5; Рим. 3, 25; Кол. 1, 20; 1 Петр. 2, 24; 1 Иоан. 2, 2), и содѣлался вѣчнымъ первосвященникомъ, который можетъ всегда спасать входящихъ чрезъ Него къ Богу, будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать за нихъ (Евр. 7, 25). Учитъ, съ другой стороны, что для оправданія грѣшниковъ предъ Богомъ, т. е. для усвоенія ими искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя, требуются отъ самыхъ грѣшниковъ два условія: во-первыхъ, покаяніе и вѣра: покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе (Марк. 1, 15; Дѣян. 2, 38),— и мы увѣровали во Христа Іисуса, чтобы оправдаться вѣрою во Христа (Гал. 2, 16; Рим. 8, 24. 25; 10, 9); и во-вторыхъ, какъ свидѣтельства и плоды покаянія и вѣры, добрыя дѣла: человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только (Іак. 2, 24); во Христѣ Іисусѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но вѣра, дѣйствующая любовью (Гал. 5, 6; Матѣ. 7, 21); не слушатели закона праведны предъ Богомъ, но исполнители закона оправданы будутъ (Рим. 2, 13). Исполненіе этихъ условій, которыми

усвояются заслуги І. Христа, человекъ—грѣшникъ можетъ дѣйствительно умилостивлять Бога и удовлетворять Ему; не въ томъ однакожъ смыслѣ, будто бы покаяніе, вѣра и добрыя дѣла человекъ имѣли передъ Богомъ значеніе искупительной жертвы сами по себѣ, а въ томъ единственно, что ими усвояются намъ готовыя заслуги нашего Искупителя, вполне удовлетворившаго за насъ правдѣ Божіей. Но утверждать, чтобы еще сами грѣшники кающіеся, кромѣ живой вѣры и добрыхъ дѣлъ, необходимыхъ для усвоенія заслугъ Спасителя, должны были претерпѣвать какія либо наказанія собственно для удовлетворенія правдѣ Божіей за свои грѣхи, значитъ выражать одно изъ двухъ: или то, что Спаситель недостаточно пострадалъ за грѣшниковъ, что удовлетвореніе, принесенное Имъ за грѣхи всего міра, еще неполно и надобно восполнять его страданіями самихъ кающихся грѣшниковъ; или то, что вѣра и добрыя дѣла человекъ недостаточны для усвоенія ему заслугъ Спасителя . . . Иначе, значитъ ниспровергать христіанское ученіе объ искупленіи и оправданіи.

Если же св. Іоаннъ Креститель требовалъ отъ кающихся грѣшниковъ плодовъ достойныхъ покаянія (Матѣ. 3, 8): то подъ этими плодами разумѣлись отнюдь не наказанія для удовлетворенія правдѣ Божіей за прежніе грѣхи, а добрыя дѣла, которыя бы свидѣтельствовали объ искренности раскаянія грѣшниковъ, и которыя, повторимъ, дѣйствительно могутъ умилостивлять и въ извѣстномъ смыслѣ удовлетворять Бога. Іоаннъ Креститель, какъ самъ онъ объясняетъ свое требованіе, именно внушалъ кающимся перемѣнить свой прежній порочный образъ жизни, исполнять впредь свои обязанности и дѣйствовать благочестиво (Лук. 3, 8—15). Равнымъ образомъ, если говорится въ Писаніи, что Ниневитяне, послѣ проповѣди пророка Іоны, всеобщимъ постомъ и горькими слезами заслужили себѣ прощеніе отъ Бога (Іон. 3, 10), что Навуходоносору заповѣдано было искупить грѣхи свои милостынями (Дан. 4, 24), и что вообще милостыня очищаетъ отъ грѣха и избавляетъ отъ смерти (Тов. 4, 10): то никакъ нельзя утверждать, будто все означенныя средства имѣли

цѣну въ очахъ небеснаго Судии сами по себѣ, какъ удовлетво-
ренія Его правдѣ, а не потому единственно, что они служили
предъ Нимъ и могутъ служить живыми свидѣтельствами искрен-
няго раскаянія грѣшниковъ и плодами ихъ обращенія къ Богу.
Въ чемъ и выражаться истинному раскаянію человѣка, какъ не
въ слезахъ, не въ воздыханіяхъ, не въ молитвѣ, не въ постѣ,
не въ милостыняхъ и другихъ благочестивыхъ дѣйствіяхъ? Самъ
Господь подтвердилъ это, когда сказалъ: обратитесь ко Мнѣ
всѣмъ сердцемъ своимъ въ постѣ, плачѣ и рыданіи.
Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши и обра-
титесь къ Господу Богу вашему; ибо Онъ благо и
милосердъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ, и
сожалѣеть о бѣдствіи (Иоил. 2, 12, 13). Богу пріятно
собственно истинное раскаяніе грѣшника, выражающееся въ
постѣ, молитвѣ, милостыняхъ и под., и Онъ прощаетъ въ этомъ
случаѣ грѣхи единственно по своей безконечной благи кѣ
кающимъ, а отнюдь не по своей правдѣ, которая будто бы
удовлетворяется означенными дѣйствіями. Такою ли ничтожною
цѣною могли удовлетворить Ниневитяне и Навуходносоръ за
всѣ грѣхи свои безконечной правдѣ?

2) Противно понятію о правдѣ Божіей. Если,
какъ вѣрують и латиняне, ей принесена уже вполне достаточная
и даже преизбыточествующая жертва за грѣхи міра Христомъ
Спасителемъ (Гал. 3, 13 и др.) а между тѣмъ требуется еще,
чтобы и грѣшники кающіеся не только вѣровали въ Спасителя
для усвоенія себѣ Его заслугъ (Рим. 3, 25), и приносили плоды
достойные покаянія; но сами претерпѣвали, по крайней мѣрѣ,
временныя наказанія за грѣхи свои для удовлетворенія вѣчной
правдѣ: то значитъ, она за одни и тѣже грѣхи наказываетъ
два раза, пріемлетъ двукратное удовлетвореніе. Если, во вторыхъ,
дѣйствительно необходимы, по суду вѣчной правды, такія удо-
влетворенія и со стороны самыхъ кающихся грѣшниковъ: то безъ
сомнѣнія, со стороны всѣхъ грѣшниковъ и за всѣ грѣхи, хотя
въ различной степени, соотвѣтственно различію грѣховъ,—а между
тѣмъ латиняне учатъ, что такія наказанія временныя назначаются
вѣчною правдою только нѣкоторымъ грѣшникамъ, болѣе винов-

нымъ, тогда какъ другимъ прощаются въ покаяніи и грѣхи и всякое наказаніе. Напрасно указываютъ латиняне, въ доказательство своего ученія, на примѣры Адама и особенно Давида, которымъ хотя Богъ простилъ грѣхи, но и опредѣлилъ временныя наказанія. Почему всѣ эти наказанія мы назовемъ дѣйствіями грознаго Судіи, требующаго возмездія за оскорбленіе Его правды, а не дѣйствіями милосердаго Отца, который прощая своего преступнаго сына, если и наказываетъ его, то единственно для его же собственнаго исправленія, для предохраненія его впредь отъ подобныхъ преступленій, или, по крайней мѣрѣ, для примѣра другимъ дѣтямъ? Должно помнить, что св. Писаніе строго различаетъ между наказаніями, которыми Богъ поражаетъ нечестивыхъ, и наказаніями, какія посылаетъ Онъ на вѣрныхъ. Ему и обращающихся къ Нему всѣмъ сердцемъ: первыя представляетъ оно дѣйствіями гнѣва Божія и правды, требующей удовлетворенія (Іер. 23, 19; Рим. 1, 18 и др.); послѣднія—наказаніями отеческими, врачевными, посылаемыми только для исправленія людей, для удержанія ихъ отъ зла хотя страхомъ наказаній, для укрѣпленія въ добрѣ и подобныхъ цѣлей (1 Кор. 11, 32; Евр. 12, 6—8; 1 Петр. 1, 6, 7; Іак. 1, 12). Кого Я люблю, говоритъ самъ Господь, тѣхъ обличаю и наказываю, и тутъ же показываетъ цѣль этихъ наказаній: И такъ будь ревностенъ, и покаяйся. (Апок. 3, 19). Потому и св. Павелъ, вмѣстѣ съ Содономомъ (Притч. 3, 11), наставляетъ вѣрныхъ не пренебрегать наказаніями Божиими: сынъ мой! не пренебрегай наказанія Господня, и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя (Евр. 12, 5).

3) Противно ученію всей древней Церкви. Есть весьма много правилъ соборныхъ и отеческихъ касательно епитимій, — и ни въ одномъ изъ нихъ онѣ не называются удовлетвореніями за грѣхи, а только врачевствами отъ грѣховъ. Правда, нѣкоторые изъ древнихъ учителей на западѣ, каковы Тертуліанъ, Кипріанъ, Амвросій и Августинъ, иногда называли епитиміи удовлетвореніями; но не въ томъ смыслѣ, будто епитиміи служатъ сами по себѣ какою либо искупительною цѣною или жертвою за грѣхи для Божественнаго правосудія, а

въ томъ, что онѣ, какъ отеческія наказанія, возбуждаютъ въ грѣшникахъ истинное раскаяніе, которымъ умиляется Отецъ небесный; и, какъ благочестивыя упражненія, представляютъ кающимся поприще и случай выразить и засвидѣтельствовать предъ Богомъ всю истинность и глубину своего раскаянія, которое одно собственно и удовлетворяетъ Его. Такъ, Тертуліанъ (de poenitent. с. IX.), говоря о необходимости исповѣди, совершавшейся въ первенствующей Церкви всенародно, и предписывавшей грѣшникамъ разныя степени епитиміи, выражается: «удовлетвореніе соразмѣряется съ исповѣдію (въ означенномъ смыслѣ), отъ исповѣди рождается раскаяніе, раскаяніемъ умиляется Богъ». Св. Кипріанъ (de lapsis с. 29. 32. 34.) увѣщавалъ падшихъ: «обратимся къ Господу всемъ сердцемъ, и выражая раскаяніе во грѣхѣ истинными скорбями, будемъ молить милосердіе Бога. Да повергнется предъ Нимъ душа, да удовлетворитъ Ему сокрушеніе (*illi moestitia satisfaciat*), да возложится на Него вся надежда. Какъ мы должны просить Его, Онъ самъ сказалъ: обратитесь ко Мнѣ всемъ сердцемъ своимъ въ постѣ, плачѣ и рыданіи, раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши (Іоил. 2, 12). Обратимся къ Господу всемъ сердцемъ: грѣхъ и оскорбленіе Его умильствимъ въ постѣ, плачѣ и рыданіи, какъ Онъ самъ увѣщаваетъ... Приносите полное покаяніе, докажите скорбь сокрушающейся и рыдающей вашей души... Тамъ пребываетъ покаяніе, которое удовлетворяетъ, а кто отвергаетъ покаяніе во грѣхѣ, тотъ заключаетъ дверь удовлетворенія». Точно также и блаженный Августинъ, вслѣдъ за св. Амвросіемъ, говоритъ, что кающийся грѣшникъ удовлетворяетъ Бога за грѣхи свои собственно слезами покаянія, жертвою сокрушеннаго и смиреннаго сердца.

Съ такою же рѣшительностію Д-ръ Макарій опровергаетъ римское ученіе объ индульгенціяхъ. Именно, относительно преизбыточествующихъ заслугъ Іисуса Христа и святыхъ, долженствующихъ составлять сокровищницу, изъ которой Церковь будто бы можетъ раздавать индульгенціи, онъ замѣчаетъ, что заслуги Іисуса Христа, конечно, неисчерпаемы и составляютъ сокровище благодати, изъ котораго грѣшникъ можетъ черпать

оправданіе и искупленіе. Но эти заслуги могутъ быть усвояемы и вмѣняемы людямъ только подъ условіемъ искренняго раскаянія во грѣхахъ, твердаго намѣренія исправиться и вѣры, дѣйствующей любовію. Вмѣнять же грѣшникамъ заслуги Искупителя, безъ исполненія съ ихъ стороны этихъ условій, и освобождать ихъ въ силу этихъ заслугъ отъ наложенныхъ, хотя бы и временныхъ, наказаній, это совершенно не законный и ничѣмъ не оправдываемый образъ дѣйствій.

Заслуги святыхъ, напротивъ, какъ бы ни были велики, никогда нельзя считать преизбыточествующими, не нужными и для нихъ самихъ и превышающими ихъ виновность, еще менѣе, слѣдовательно, позволительно вмѣнять ихъ другимъ грѣшнымъ людямъ, для ихъ оправданія предъ Богомъ. Всѣ подвиги святыхъ не вполнѣ принадлежать имъ, а совершались при помощи благодати Божіей и имѣютъ цѣну предъ судомъ вѣчной Правды только отъ заслугъ Христовыхъ. И апостоль Павелъ «не почиталъ себя достигшимъ, но стремящимся къ цѣли, къ почести—не достигнетъ ли и онъ» (Филип. III, 12—14). Заповѣдь, возлагаемая на насъ евангеліемъ, такъ широка (Пе. 118, 96), что сколько бы ни исполнялъ ее человѣкъ, въ ней всегда много будетъ оставаться такого, что еще имъ не исполнено. Совершить что либо сверхъ—должное,—это противорѣчитъ вѣрѣ Христовой.

Если же Богъ щадитъ грѣшниковъ ради праведниковъ (Быт. XVIII, 23—33), то изъ этого не слѣдуетъ заключать, будто Онъ щадитъ первыхъ за излишнія заслуги послѣднихъ. Праведники суть испытанныя и возлюбленныя чада и друзья Божіи (Іоан. XV, 14. 15), Онъ вѣсть ихъ пути (Пе. 1, 6); желаніе ихъ предъ Нимъ все благое (Притч. XI, 23), молитвы ихъ Онъ послушаетъ (Притч. XV, 29). По этой-то Его любви къ праведникамъ, и особенно по ихъ ходатайству и мольбамъ, какія возсылаютъ они къ Нему за другихъ, Онъ щадитъ непокорныхъ по мольбамъ покорныхъ чадъ Своихъ, но щадитъ только вслѣдствіе Своей неисчерпаемой благодати къ тѣмъ и другимъ, а отнюдь не по правосудію, которое будтобы удовлетворяется за грѣхи первыхъ преизбыточествующими заслугами послѣднихъ.

Всѣ основанія, приводимыя римскою Церковію въ оправданіе индульгенцій, Д-ръ Макарій опровергаетъ побѣдоносно; какъ напр. доказательство, заимствуемое римлянами изъ примѣра древней Церкви, которая во времена Тертуліана и Кипріяна не рѣдко, по ходатайству мучениковъ и исповѣдниковъ, прощала отпадшимъ отъ вѣры во времена гоненій, освобождала ихъ отъ заслуженной ими епитиміи и такимъ образомъ являла свою власть давать индульгенціи. Противъ этого Д-ръ Макарій замѣчаетъ: правда, предстатели тогдашнихъ церквей много уважали мучениковъ и изъ уваженія къ нимъ, по ихъ предстательству, иногда принимали отпадшихъ отъ вѣры. Но это происходило отнюдь не потому, что они вѣняли симъ послѣднимъ преизбыточествующія заслуги первыхъ: ибо, и при ходатайствѣ мучениковъ, необходимымъ условіемъ для прощенія и принятія грѣшниковъ, было ихъ искреннее раскаяніе и исправленіе. Этому учитъ подробно самъ К и п р і а н ъ. Онъ увѣщаетъ падшихъ къ искреннему раскаянію, усердному моленію, серьезному исправленію, потому что только чрезъ это они могутъ получить отъ Бога прощеніе. Они не должны полагаться на предстательство мучениковъ, а должны сами обращаться къ Господу всѣмъ сердцемъ съ горячимъ моленіемъ и слезами покаянія; безъ этихъ условій мученики ничего не могутъ для нихъ сдѣлать, такъ какъ ихъ ходатайство не будетъ услышано, если оно будетъ приложено за недостойныхъ, и они, какъ рабы, не могутъ отпустить грѣха противъ Владыки *). Слѣдовательно, — продолжаетъ Д-ръ Макарій, — когда древняя Церковь, по ходатайству мучениковъ, принимала падшихъ, то это происходило изъ уваженія къ достойному ея всякаго довѣрія свидѣтельству первыхъ объ искренности раскаянія послѣднихъ, и отнюдь не потому, что вѣняла грѣшникамъ преизбыточествующія заслуги мучениковъ.

Такимъ образомъ догматъ римской Церкви объ индульгенціяхъ не имѣетъ основанія ни въ Писаніи, ни въ Преданіи и остается не безъ вреда для христіанской жизни, ибо онъ пре-

*) De lapsis in Patrolog. curs. copl. c. XVII. Nec remittere, aut donare indulgentia sua servus potest, quod in Dominum delicto graviore commissum est.

пятствуетъ полному раскаянію грѣшниковъ, отнимаетъ у нихъ средства необходимыя для уврачеванія ихъ душевныхъ недуговъ, и, показывая народу легкій путь къ примиренію съ Богомъ и Церковію, способствуетъ къ распространенію всеобщей порчи нравовъ.

Изъ приведеннаго, надѣмся, откроется для читателя не только согласіе ученія восточной Церкви съ свящ. Писаніемъ, но и мудрость ея въ употребленіи церковныхъ епитимій, равно какъ и правильная точка зрѣнія въ сужденіи о сихъ послѣднихъ.

У. ОБЩЕНІЕ СВЯТЫХЪ.

Общеніе святыхъ есть союзъ любви и молитвы, не только соединяющій всѣхъ вѣрующихъ, странствующихъ на землѣ, но и связующій сихъ послѣднихъ съ перешедшими уже въ вѣчную жизнь. Оно есть мостъ вѣры, переводящій изъ воинствующей Церкви въ торжествующую и соединяющій ту и другую въ одно тѣло Христово. Для христіанской древности оно было членомъ вѣры, какъ это видно изъ такъ называемаго апостольскаго символа вѣры, въ которомъ общеніе святыхъ занимало мѣсто тотчасъ послѣ члена Церкви.

Протестантская Церковь, напротивъ, отказалась отъ этого общенія и разломала соединительный мостъ, переводящій изъ воинствующей Церкви въ торжествующую. Соотвѣтственно сему и въ апостольскомъ символѣ вѣры, читаемомъ нашими проповѣдниками во всѣхъ богослуженіяхъ, выраженіе „общеніе святыхъ“ переведено выраженіемъ «община святыхъ» и, принимая его въ смыслъ изъясненія предыдущаго члена о Церкви, нѣкоторые изъ нашихъ духовныхъ лицъ прибавляютъ еще къ сему: «к о т о р а я есть община святыхъ», чтобы не оставить никакого сомнѣнія о томъ догматическомъ смыслѣ, въ какомъ желаютъ видѣть понимаемымъ это выраженіе. Но, если разъ согласились отмѣнить самую вещь, то должны были бы послѣдовательно лучше совсѣмъ вычеркнуть и самое выраженіе, *)

*) Конечно, чрезъ это протестантская Церковь сдѣлала бы себя виновною въ порчѣ, впрочемъ только отрицательной; тогда какъ за нѣсколько вѣковъ передъ

чѣмъ стараться извращать его смыслъ, чрезъ что только запутались въ противорѣчіе, которое тотчасъ бросается въ глаза. Ибо въ символѣ вѣры, въ которомъ старались изложить основныя истины христіанства съ самою сжатою краткостію, такой плеоназмъ или такого рода тождесловіе совершенно не позволительно, тѣмъ болѣе, что понятіе объ единой, святой, соборной и апостольской Церкви такъ ясно и такъ понятно, что не нуждается ни въ какомъ изъясненіи, и выраженіе «община святыхъ», долженствующее быть дополнительнымъ, меньше говоритъ, чѣмъ предыдущее выраженіе о Церкви и ея свойствахъ, а потому и никакъ не можетъ изъяснить сего послѣдняго.

Чрезъ это неуваженіе къ догмату первенствующей Церкви реформаторы отняли у насъ, протестантскихъ единовѣрцевъ, много утѣшеній, ибо мы должны лишиться какъ церковнаго ходатайства за нашихъ умершихъ, такъ и молитвеннаго общенія съ достигшими совершенства праведниками.

Какъ утѣшительны для сердца тѣхъ, которые остались послѣ покойника, обычаи восточной Церкви, если Владыкѣ жизни и смерти угодно бываетъ отозвать кого нибудь изъ среды родныхъ! Бездушное тѣло, до погребенія, непрерывно окружается молящимися устами и сердцами. Два раза въ день въ домъ умершаго является духовенство, дабы—въ присутствіи всѣхъ родныхъ и друзей предъ одромъ усопшаго совершать церковныя молитвы, въ которыхъ отшедшая душа препоручается благоути и милосердію Божію. День и ночь предъ смертнымъ одромъ тихимъ голосомъ читаются церковнослужителями или другими для сего вызывающимися лицами псалмы и молитвы, или приличныя мѣста изъ евангелій. Сверхъ сего, въ Россіи входъ въ домъ умершаго открытъ для всякаго, и многіе, движимые вѣрою и любовію Христовою, въ теченіе дня приходятъ къ смертному одру, дабы мысленно помолиться за спасеніе души усопшаго.

этимъ западная Церковь сдѣлала себя виновною въ порчѣ положительной, когда внесла въ никейскій символъ вѣры filioque (и отъ Сына).

Если реформаторы удержали, однако, это filioque, то это тѣмъ страннѣе, что они приняли священное Писаніе за исключительное мѣрило своихъ догматическихкихъ опредѣленій, а оно положительнымъ образомъ отвергаетъ filioque (Іоан. XV, 26). Они, отвергнувъ всякое преданіе, удержали именно явно ложное преданіе!

Даже на томъ мѣстѣ, гдѣ душа была въ послѣднемъ предсмертномъ бореніи, читаются нѣсколько времени каждодневно псалмы и молитвы, и послѣ погребенія въ назначенные поминальные дни, какъ-то: девятый, сороковой, полгода, годъ и потомъ ежегодно въ день рожденія, именинъ и смерти усопшаго все родные и друзья собираются въ церковь, дабы помянуть умершаго торжественными молитвами и препоручить спасеніе его души милующей любви Божіей.

Изъ всего этого у насъ ничего не бываетъ, потому что протестантская Церковь долгомъ сочла исключить такую практику. Наши тѣла до погребенія лежатъ одиноко и — кромя ближайшихъ родственниковъ — безучастно. Конечно, протестанты въ Россіи одры своихъ преставившихся обставляютъ свѣчами, и тамъ и сямъ найдется кто нибудь, кто прочтетъ каждодневно подлѣ смертнаго одра нѣсколько мѣстъ изъ псалмовъ и евангелій. Но и этотъ обычай не предписанъ Церковію, а обязанъ своимъ происхожденіемъ вліянію греко-каѳолической церкви, которому невольно подвергаются протестанты, живущіе въ Россіи. Протестантская Церковь для погребальнаго торжества своихъ умершихъ имѣетъ только болѣе или менѣе пышныя надгробныя рѣчи, назидательный взглядъ на бренность всего земнаго, который поэтому можетъ быть благоворенъ (Segen bringen) только для живыхъ, а не умершихъ, — и благословеніе земныхъ останковъ на ихъ вѣчный покой! Никакая молитва не подкрѣпляетъ отшедшей души въ ея странствованіи чрезъ мрачную юдоль смерти, ни молитва Церкви, ни вѣрующее слезное моленіе о милости и помилованіи къ скончавшемуся со стороны близко стоявшихъ къ нему здѣсь на землѣ. И какъ только дорогіе останки положены въ нѣдра земли, какъ только волны вѣчности закрылись надъ любимымъ сердцемъ, навсегда удалилось всякое участіе Церкви и только ближайшіе родные сохраняютъ еще воспоминаніе о немъ въ скорбящей любви, но ихъ тоска и печаль не можетъ быть облегчена каждодневною молитвою о спасеніи души скончавшагося, ихъ сомнѣнія не могутъ быть разсѣяны.

Эта, такъ мало соотвѣтствующая потребностямъ сердца, практика проистекаетъ изъ твердо содержимаго протестантскою

Церковію убѣжденія, что судьба отозванной въ вѣчность души навсегда окончательно рѣшается въ минуту смерти, поэтому молитвы за умершихъ должны казаться излишними, такъ какъ ея судьба не можетъ—де болѣе подлежать никакой перемѣнѣ!

Но есть ли для этого, даже очень напоминающаго пуританскую строгость Монтанистовъ, ученія основаніе въ Священномъ Писаніи? Хотя Екклезіастъ Соломонъ говоритъ: аще падеть древо на югъ и аще на сѣверъ, на мѣстѣ, идѣ же падеть древо, тамо будетъ, (Еккл. XI, 3)—и протестантскіе богословы не преминули изъяснить это изреченіе въ смыслѣ означеннаго ученія, но Новый Завѣтъ открываетъ намъ другія точки зрѣнія. Господь говоритъ объ одномъ грѣхѣ (о хулѣ на Духа Святаго. Матѣ. XII, 32), который не простится ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ, и чрезъ это, конечно, ясно показываетъ, что въ будущей жизни, еще можетъ совершаться отпущеніе грѣховъ. Далѣе, Онъ Самъ сходилъ во адъ, дабы проповѣдать евангеліе заблудшимъ душамъ, чѣмъ осязательно доказано, что съ тѣлесною смертію не прекращаются для душъ всѣ спасительныя учрежденія и опыты избавленія. Окончательное рѣшеніе, отрѣзывающее всякій возвратъ, Священное Писаніе отлагаетъ только до послѣдняго суда по второмъ воскресеніи (Апок. XX), когда всѣ тѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ жизни, будутъ брошены въ озеро огненное (собственно въ адъ, въ геенну), и только къ судьбѣ сихъ послѣднихъ надобно отнести слава Господни, что «червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ» (Марк. IX, 44) — между тѣмъ какъ души, пребывающія во адѣ, какъ мы можемъ заключить изъ проповѣди Господа, должны быть еще доступны къ перемѣнѣ мыслей, и, можетъ быть, должны будутъ пройти степени очищенія, приводящія ихъ все ближе и ближе къ полному блаженству и дѣлающія ихъ сперва способными къ наслажденію онымъ.

Поэтому христіанская Церковь рано уже установила ходатайство за умершихъ, какъ это доказываютъ не только всѣ древнія литургіи, но и свидѣтельства весьма многихъ отцевъ Церкви. Восточная Церковь осталась вѣрною этому обычаю, не

впадая при этомъ въ злоупотребительныя бредни Рима. Въ русскомъ катихизисѣ сказано: Вопросъ. Что должно замѣтить о душахъ умершихъ съ вѣрою, но не успѣвшихъ принести плоды достойныя покаянія? Отвѣтъ. То, что имъ къ достиженію блаженнаго воскресенія вспомошествовать могутъ приносимыя за нихъ молитвы, особенно соединенныя съ приношеніемъ безкровной жертвы Тѣла и Крови Христовы, и благотворенія, съ вѣрою приносимыя въ память ихъ.

Итакъ вообще, чтобы по смерти сдѣлаться причастнымъ ходатайства Церкви, должно умереть въ вѣрѣ, ибо съ тѣмъ, кто скончался въ явномъ невѣріи, Церковь естественно не можетъ имѣть болѣе никакого общенія. Но теперь религіозная жизнь, точно также какъ и умственная движется въ среднемъ уровнѣ, за который переходятъ только не многіе, такъ же какъ и не очень многіе хотятъ оставаться ниже онаго. Какъ бы то ни было, только я не хочу отвергать того, что со смертію можетъ наступить непреложное рѣшеніе судьбы какъ для тѣхъ, которые высоко поднялись надъ этимъ уровнемъ, такъ и для тѣхъ, которые глубоко опустились ниже этого уровня. У тѣхъ и другихъ, уже при жизни могла образоваться совершенная зрѣлость — однихъ для блаженства, другихъ для осужденія. Но это условіе трудно найти у тѣхъ, которыхъ жизнь движется именно въ этомъ среднемъ уровнѣ. Ихъ сердца, хотя не закрыты для вѣры, но плотское мудрованіе не уступило ей полной, всю жизнь проникающей силы; они остались болѣе или менѣе назади въ освященіи, къ нимъ прилѣпилось еще такъ много недостатковъ и несовершенствъ, что они не получили зрѣлости, чтобы тотчасъ войти въ Церковь первенцевъ написанныхъ на небесахъ (Евр. XII, 23). Теперь, ужели имъ не остается никакого другого выбора (alternative) кромѣ осужденія? Страшная мысль, могущая заставить всякаго трепетать за себя и за своихъ родныхъ! Съ протестантской стороны утѣшаютъ себя тѣмъ, что вѣрующее принатіе заслугъ Іисуса Христа можетъ еще спасти грѣшника и въ послѣдній часъ, и любятъ приводить какъ поразительный примѣръ — вѣру разбойника. О, конечно, вѣра спасаетъ душу, и гдѣ она выступаетъ съ такою силою, какъ у разбойника, тамъ тотчасъ

откроются ей даже врата рая. Но легкое ли дѣло такая вѣра, какъ вѣра разбойника? Часто ли встрѣчается такая вѣра въ жизни? Кто только хочетъ зрѣло обдумать обстоятельство, тотъ долженъ будетъ сознаться, что Писаніе едвали представляетъ намъ другой примѣръ такой, горы преставающей, вѣры. Тѣмъ не менѣе и слабая вѣра спасаетъ душу, т. е. исторгаетъ ее изъ погибели и поставляетъ ее по ту сторону отдѣляющей пропасти. Но тамъ,—горѣ, въ домѣ Отца, обителѣй много, и если вѣра еще слаба, то нуждается въ возростаніи, нуждается въ укрѣпленіи, дабы душа достигла совершенства въ освященіи и наконецъ могла войти въ полное, блаженное общеніе святыхъ и достигшихъ совершенства праведниковъ. Это дѣло постепеннаго совершенія, не должно ли быть необходимо процессомъ очищенія? И молитва Церкви не будетъ ли дѣйственно носить и поддерживать душу въ этомъ очистительномъ подвигѣ, подобно тому какъ она проливаетъ утѣшеніе и успокоеніе въ сердце оставшихся послѣ покойника?

Римское ученіе объ очистилищномъ огнѣ, слѣдовательно, отнюдь не взято съ воздуха, *) но опирается частію на весьма естественныя умозаключенія, частію на древнюю практику христіанской Церкви, которая (практика) съ своей стороны должна была найти тѣмъ большее распространеніе и болѣе общее употребленіе, что ходъ развитія церковныхъ и гражданскихъ обстоятельствъ позднѣйшихъ вѣковъ былъ причиною того, что массы христіанскаго народа, при разлученіи съ этимъ міромъ, являлись все далѣе отставшими въ освященіи и посему тѣмъ настоятельнѣе заявлялась и должна была заявляться у остающихся послѣ покойника потребность ходатайства за скончавшихся. Только Римъ, къ сожалѣнію, исказилъ этотъ христіанскій обычай, сдѣлалъ его орудіемъ своего корыстолюбія и воспользовался суетвѣріемъ хри-

*) Авторъ говоритъ такъ потому, что, къ сожалѣнію, смѣшиваетъ молитвенное очищеніе душъ усопшихъ, признаваемое православною Церковію, съ огненнымъ очищеніемъ душъ умершихъ, допускаемымъ латинскою Церковію и ученіе о молитвахъ за усопшихъ не отдѣляетъ отъ ученія объ очистилищѣ. Пер.

стіанскаго народа скорѣе для своихъ низкихъ цѣлей вмѣсто того, чтобы побѣждать оное противопоставленіемъ истины.

Только изъ отвращенія, вызваннаго этимъ злоупотребленіемъ, можно объяснить то, что реформаторы, вмѣстѣ съ этимъ злоупотребленіемъ, сочли долгомъ устранить и законное употребленіе ходатайства за умершихъ, — и чрезъ это возстали противъ утѣшительной и въ Священномъ Писаніи, по крайней мѣрѣ, не запрещенной практики христіанской древности. И есть ли что нибудь не евангелическое въ томъ, если мы души нашихъ умершихъ препоручаемъ отеческому милосердію нашего Господа? Если мы умоляемъ Его быть милостивымъ Судіею для нихъ? Покрывать ихъ недостатки богатствомъ Своей милости? Если мы просимъ Его даровать имъ наслажденіе Его небеснымъ миромъ со всеми Его святыми и усладить ихъ обильными благами Своего дома? Если мы, съ вѣрующимъ упованіемъ, полагаемъ Господу на сердце щедро наградить ихъ за всю любовь, оказанную ими къ намъ здѣсь на землѣ, и дать имъ съ радостію пожать то, что они посеяли со слезами? Если мы, наконецъ, призываемъ Его помиловать ихъ и насъ, и даровать намъ блаженное свиданіе въ Его вѣчномъ царствѣ небесномъ?

Но это должно быть излишне, потому — де, что всякій, открывшій свое сердце вѣрѣ, — хотя бы и въ послѣдній часъ, — безъ этого принять Богомъ и сдѣлался блаженнымъ, слѣдовательно не нуждается болѣе въ нашей молитвѣ! Да, не даетъ ли намъ Богъ все, въ чемъ мы нуждаемся, и безъ нашего прошенія у Него объ этомъ, — однакожь дѣлаетъ ли это нашу молитву излишнею? И относительно умершихъ — не походить ли это умозаключеніе на то мнѣніе, что вытасченнаго изъ воды утопавшаго можно смѣло оставить на берегу, и не нужно заботиться о томъ, чтобы принести его въ комнату, одѣть въ сухое платье, обогрѣть и имѣть уходъ за нимъ, разъ онъ спасенъ и не нуждается болѣе въ нашемъ попеченіи? Какое было бы слѣдствіе такого образа дѣйствій? Не видѣли ли бы мы довольно часто, что счастливо спасенный отъ волнъ, чрезъ это опять подвергся опасной болѣзни а иногда — едва избѣгнутой — смерти?

Если мы чрезъ вѣру приобрѣли себѣ Христа, то мы

теперь должны также стараться и о томъ, чтобы Онъ вполне изобразился (Гал. IV, 19) въ насъ, т. е. за нашимъ оправданіемъ должно непосредственно слѣдовать освященіе, если мы дѣйствительно хотимъ созрѣть для вѣчнаго блаженства. Вѣрующее, съ сокрушеннымъ сердцемъ совершенное принятіе заслугъ Иисуса Христа, конечно, необходимое условіе, дабы вообще спасти нашу душу, но оно не есть единственное требованіе, чтобы достигнуть также и полного блаженства. За тѣмъ первымъ актомъ необходимо долженъ слѣдовать этотъ второй, который состоитъ въ вѣрной борьбѣ вѣры съ нашей грѣховной природою, въ всесовершеннѣйшемъ отложеніи грѣховныхъ привычекъ ветхаго человѣка, и въ облеченіи въ новаго человѣка. Только по мѣрѣ того, какъ мы идемъ впередъ въ этой борьбѣ, мы созрѣваемъ для вѣчнаго блаженства, и что въ отношеніи къ сему остается не совершеннымъ въ этой жизни, то должно быть, конечно, довершено въ другой жизни. А сколько болѣе тамъ, гдѣ душа, только въ виду приближающейся смерти въ раскаяніи и вѣрѣ обращается ко Господу отъ своего превратнаго нрава! Конечно, возможно, что и въ этомъ случаѣ вѣра бываетъ такъ жива, что со всею силою проникаетъ всего внутренняго человѣка и вдругъ производитъ совершенное возрожденіе, какъ намъ дѣйствительно представилъ такой примѣръ именно разбойникъ на крестѣ, — но, при настоящемъ состояніи христіанскаго общества, такого рода случаи принадлежатъ, конечно, только къ весьма рѣдкимъ исключеніямъ, и душа хотя бы и открылась для вѣры предъ своимъ разлученіемъ, имѣетъ однакожь совершить дѣло освященія въ другой жизни. Наконецъ, положимъ что отшедшая душа дѣйствительно не нуждается болѣе въ нашей молитвѣ, какой вредъ можетъ тогда произойти отъ нашего ходатайства? Благотворность его, если отшедшая душа не нуждается болѣе въ немъ, возвратится обратно къ самому молившемуся о ней и во всякомъ случаѣ сдѣлается для его сердца обильнымъ источникомъ утѣшенія. Посему протестантская практика лишаетъ отшедшія души великаго благодѣянія, отнимая у нихъ вмѣстѣ съ молитвою Церкви, существенную поддержку на пути ихъ прогрессивнаго освященія, и у остающихся послѣ покойника

отнимаетъ тѣ утѣшенія, которыя они могли бы почерпнуть изъ изліяній своихъ молящихся сердець!

Но протестантская церковь лишаетъ живыхъ утѣшительнаго молитвеннаго общенія съ горнею, торжествующею Церковію, отвергая почитаніе и призываніе святыхъ. Для благочестиваго протестанта почитаніе и призываніе Святыхъ—камень преткнанія, потому что онъ думаетъ видѣть въ этомъ униженіе Христа, который есть и долженъ остаться единственнымъ Ходатаемъ между Богомъ и человѣками, такъ что нѣтъ надобности болѣе въ ходатайствѣ Святыхъ. Но этотъ образъ воззрѣнія не основателенъ, и заключающійся въ немъ упрекъ касается не самой вещи, а только достойнаго порицанія злоупотребленія ею. Первобытная Церковь, какъ и нынѣ восточная Церковь, весьма далека отъ того, чтобы чрезъ почитаніе и призываніе святыхъ, желать уменьшить хотя бы только самымъ малѣйшимъ образомъ ходатайство Христово, которое она, напротивъ, высоко и свято цѣнила и цѣнитъ. Въ почитаніи и призываніи святыхъ воинствующая Церковь сознаетъ только молитвенное общеніе съ горнею, торжествующею Церковію и пожинаетъ въ сей послѣдней плоды обѣтованій Христа, который обѣщалъ такое великое благословеніе и услышаніе совокупно—общей молитвѣ. Если, впрочемъ, ни одинъ протестантъ не колеблется препоручить себя молитвѣ еще на землѣ странствующихъ, благочестивыхъ братьевъ, то какъ онъ теперь долженъ чрезъ это унижить ходатайство Христово, если препоручаетъ себя молитвѣ достигшихъ совершенства праведниковъ, которые уже побѣдили въ вѣрѣ и стоятъ ближе ко Господу?

Культъ любви и общенія, имѣющій въ основаніи взаимныя молитвы святыхъ и вѣрующихъ, совершался Христіанскою Церковію также уже рано. Она особенно дорого цѣнитъ тѣхъ, которые свою вѣру запечатлѣли радостною мученическою смертію, и свои мѣста собранія, названныя впоследствии церквами, не рѣдко освящала во имя мучениковъ, отчего онѣ называются «маририями» (мученичными). Относящіяся къ сему свидѣтельства дошли до насъ изъ самыхъ древнихъ вѣковъ. Таково посланіе Смирнской Церкви о мученичествѣ святаго Поликарпа, таковы сказанія о мученической кончинѣ святаго Игнатія

была твердо заключена въ стереотипныя формы, не подлежащая болѣе никакому видоизмѣненію, но образовала и образуетъ живой организмъ, одушевленный божественнымъ Духомъ, долженствовавшій расти и развиваться, и, при сужденіи о которомъ, мы посему должны также принимать въ расчетъ измѣнившіяся обстоятельства и потребности времени. Какъ возникающія заблужденія принуждаютъ ее все уяснѣе развивать свою систему и крѣпче упираться на нее, такъ она (церковь) должна была видоизмѣнять и свой культъ по различнымъ потребностямъ измѣнившихся временъ и обстоятельствъ. Еще нельзя отвергать какой либо церковной практики потому, что она усвоена церковію только въ послѣ-апостольское время, какъ, напротивъ, нельзя сохранить многого, что существовало въ апостольское время.

Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что практика, о которой идетъ рѣчь, исполнялась въ церкви уже во время апостоловъ, ибо не только древніе отцы церкви обозначаютъ ее, какъ апостольское преданіе, но и въ посланіяхъ Павловыхъ мы находимъ нѣсколько мѣстъ, которые, кажется, опредѣленно указываютъ на это. Именно, если апостоль Павелъ (1 Кор. XV, 29) пишетъ къ Коринтянамъ: „Иначе что дѣлаютъ крестящіеся для мертвыхъ? Если мертвые совсѣмъ не воскресаютъ, то для чего вы креститесь для мертвыхъ?“ — то изъ этого, конечно, выходитъ, что крестники и тогда уже избирали для себя принадлежащаго горней церкви святаго, имя котораго они носить хотѣли и защищающему и помогающему ходатайству котораго особенно себя препоручали. Если далѣе Павелъ, выставляя различіе ветхаго и новаго завѣта, пишетъ къ евреямъ (XII, 22—23), что они между прочимъ „приступили къ небесному Иерусалиму, къ тѣмамъ Ангеловъ, къ церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства“, — то этимъ, конечно, оныя ясно означаетъ общеніе любви и молитвы, существующее и долженствующее существовать между земною и небесною церковію. И въ этомъ общеніи мы находимъ великое утѣшеніе и могущественную помощь въ подвигахъ жизни. Если мы къ досто-

чтимымъ святымъ, образующимъ тамъ торжественную церковь, обращаемся съ прошеніемъ: ихъ молитвы соединить съ молитвами ихъ немощныхъ собратій и просить Господа даровать нашему моленію милостивое услышаніе; если мы ихъ призываемъ: остаться въ молитвенномъ общеніи съ нами и просить Господа сохранить насъ въ общеніи вѣры съ ними, дабы и мы могли пребывать въ добромъ подвигѣ до блаженной кончины и уже не какъ чужіе и пришельцы, но какъ сограждане имъ и свои Богу (Еф. II, 19) — присоединиться къ церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ; — то это общеніе даруетъ нашей молитвѣ высшую силу и большее упованіе на услышаніе (Матѣ. XVIII, 19, 20); — ибо, хотя бы мы одиноко въ нашей комнатѣ преклоняли колѣна предъ Господомъ, мы знаемъ, однако, что мы не одни, но, какъ говоритъ Оригенъ, „безчисленныя святыя силы молятся съ нами“ и наша скромная келія становится храмомъ, изъ котораго возносится къ небу величавымъ совокупнымъ молитвамъ.

Но, что особенно соблазнительно для протестантскаго воззрѣнія въ почитаніи святыхъ, такъ это почитаніе, воздаваемое иконамъ и мощамъ Святыхъ. И здѣсь межевая линія, отдѣляющая законное употребленіе отъ злоупотребленія, проведена дѣйствительно такъ тонко, что нужна вся мудрость и бдительность церковныхъ пастырей и духовныхъ руководителей душъ, чтобы эта линія не была преступлена въ конкретномъ случаѣ. Здѣсь самымъ тщательнымъ образомъ надобно избѣгать крайнихъ направленій, ибо слѣбая, хотя бы и благонамѣренная ревность, съ одной стороны можетъ дѣйствительно достигнуть до идолопоклонства, а съ другой стороны въ состояніи извратиться въ дикое иконоборство. Ученіе церкви представляетъ истинную середину между этими крайностями. Она учитъ почитать иконы, какъ священныя изображенія Господа, благодатныхъ и чудесныхъ событій Его дѣла искупленія, или Его вѣрныхъ свидѣтелей и хочетъ умѣть употреблять ихъ для благоговѣйнаго воспоминанія дѣлъ Бога и Его святыхъ, причемъ должно смотрѣть на иконы, какъ на книги, написанныя, вмѣсто буквъ, образами и дѣйствіями. Воззрѣніе на изображенія должно возбуждать уваженіе

нынѣ дѣйствительно испытаннымъ такіа чудотворенія, потому что въ нашей системѣ нѣтъ мѣста для такихъ явленій.

Пипуцій это, проведшій большую часть своей, теперь скоро приближающейся къ концу, жизни среди восточной церкви и стоящій въ близкихъ отношеніяхъ съ многими благочестивыми душами изъ этого вѣроисповѣданія, какъ чрезъ гарантированныя сообщенія, такъ и чрезъ пережитое самимъ, дошелъ до твердаго убѣжденія, что протестантская церковь принадлежащихъ къ ней лишаетъ великаго утѣшенія, разорвавъ союзъ молитвеннаго общенія съ достигшими совершенства святыми. Они суть совершеннѣйшіе члены въ тѣлѣ Христовомъ и какъ, если одинъ членъ страдаетъ, то страдаютъ съ ними всѣ члены и, чрезъ посредство главы, подаютъ другъ другу помощь, такъ и святые не остаются равнодушными къ нуждамъ еще на землѣ странствующихихъ ихъ братьевъ, но молятся съ ними и—какъ друзья и вѣстники Божіи, посылаемые на служеніе для имѣющихъ наследовать спасеніе, съ дозволенными имъ отъ Господа чудотвореніями нерѣдко вспомогательно входятъ въ жизнь земныхъ странниковъ, даже иногда чрезъ свои видимыя явленія—въ сновидѣніяхъ или на яву ободряютъ ихъ вѣру и мужество, начинавшіе уже упадать при искушеніяхъ и искутаніяхъ житейскихъ.

Но почитаніе святыхъ никогда не должно—и это необходимо требованіе—выражаться въ культъ обожанія. Строгое сохраненіе этой раздѣляющей межевой линіи есть священнѣйшая обязанность духовныхъ руководителей душъ. Какъ обольститель и исконный врагъ человѣческаго рода охотно строить свое капище вездѣ подлѣ того мѣста, гдѣ вѣра въ Господа воздвигаетъ свои храмы, такъ и суетвѣріе и ханжество, во всѣ періоды христіанскаго времячисленія, болѣе или менѣе искажало почитаніе святыхъ, и уже въ писаніяхъ отцевъ церкви древнихъ вѣковъ мы находимъ сильное порицаніе такого предосудительнаго безумія.*) Но такого рода безумія продолжаютъ еще и

*) Какъ напр. святой епископъ Епифаній (Adv. Haeres. III, cap. 79) энергически ратуетъ противъ злоупотребленія коллиридскихъ женщинъ, идолопоклонническимъ образомъ почитавшихъ Дѣву Марію какъ богиню, и приносившихъ ей жертву.

въ наши дни и возлагають на церковныхъ пастырей строжайшее обязательство словомъ и дѣломъ противодействовать безразсудству ханжества и очищать добрую вещь отъ всякаго негоднаго злоупотребленія, дабы то, что должно служить для вѣрующихъ благословеніемъ, не кончилось для ихъ душъ вредомъ.

VI. АСКЕТИЗМЪ.

Вся жизнь христіанина должна быть собственно непрестаннымъ подвигомъ въ той борьбѣ, которую имѣеть вести духъ противъ плоти, дабы пріобрѣсть надъ нею верховную власть и сохранить эту власть неотъемлемо, и подвигомъ въ отреченіи отъ собственной воли, въ отступленіи отъ нея, въ пожертвованіи ею для того, чтобы все рѣшительнѣе управляла имъ воля Божія, дабы все совершеннѣе умиралъ въ немъ ветхій человѣкъ и давалъ мѣсто новому человѣку. Для сего христіанинъ имѣеть нужду въ воздержаніи и бдительности и тѣмъ менѣе можетъ безмѣрно и безопасно предаваться удовольствіямъ плоти, что онъ такъ легко дѣлають петлею, которая налагаетъ оковы на свободную силу воли его духа и ослабляетъ его бдительность. Посему-то всякая невоздержная роскошь тѣлесная издавна была изгнана между христіанами и удовлетвореніе притязаній тѣлесной природы едва переходило за строгую необходимость. Но церковь установила еще особенныя времена воздержанія, въ которыя вѣрующіе, съ избѣжаніемъ обыкновенной пищи и при употребленіи менѣе питательной, могли бы воздержаніемъ и молитвою достойно приготовиться къ наступающимъ праздникамъ. Посты совершали (уже апостолы) и ихъ ученики, хотя тогда, какъ кажется, не были установлены для него опредѣленныя времена и только позднѣйшія каноническія постановленія привели его въ ближайшія отношенія къ извѣстнымъ церковнымъ праздникамъ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ постъ есть тонкая, виѣшняя дисциплина, которую признали таковою и реформаторы, и которой они отнюдь не отвергли безусловно. Только они не наложили поста, какъ церковно-дисциплинарнаго правила, но соблюденіе его сдѣлали произвольнымъ (facultative.)

Легко предвидѣннымъ слѣдствіемъ этого было то, что, хотя въ первое время еще соблюдались протестантами посты, однакожь эта практика мало по малу оскудѣла, и въ нашъ «просвѣщенный» вѣкъ ни одинъ протестантъ не находитъ болѣе нужнымъ соблюдать ее, даже смотреть на нее, какъ на бесполезное самоумерщвленіе, и какъ на дѣло суетнаго самооправданія.

Это сужденіе беспорочно переступаетъ уже за золотую средину истины. Выборъ пищи — въ отношеніи къ религіозной жизни — не имѣетъ, конечно, никакого существеннаго значенія. Мы читаемъ въ Писаніи (Матѣ. XV, 17. 20. Марк. VII, 15—23), что человекъ оскверняетъ не то, что входитъ въ уста, но то, что выходитъ изъ сердца и изъ устъ. Но, при болѣе точномъ разсмотрѣніи дѣла, мы конечно, не станемъ отвергать, что такія, отъ времени до времени налагаемыя лишенія, приносятъ христіанину великую пользу, сообщая ему, чрезъ приобретенную привычку, навыкъ легче отречься отъ удовольствій плоти и дѣлать ее покоріе духу. И если церковь, въ мудромъ предумотрѣніи потребностей христіанскаго народа, нашла совершенно нужнымъ чрезъ наложеніе такого поста готовить торжество извѣстныхъ церковныхъ праздниковъ и чрезъ подобныя лишенія настраивать своихъ членовъ къ большому благоговѣнію, и вообще къ расположенію духа, соответствующему именно этимъ праздникамъ, то никакому члену Церкви не слѣдуетъ, конечно, уклоняться отъ этихъ уставовъ, не разстроивая чрезъ это вмѣстѣ гармоніи цѣлаго и не навлекая на себя порицанія за непослушаніе, за незаконное возстаніе противъ установленнаго — хотя бы только по церковному праву — порядка.

Апостоль Павелъ (Римл. XIV, 2. 3) конечно, какъ и прежде, требовалъ также только произвольной обязательности поста, говоря, что ѣдятъ ли мясо или овощи, не должно дѣлать себѣ взаимно никакихъ упрековъ, тѣмъ не менѣе онъ присовокупляетъ, что уже не поступають болѣе по любви, если ради пищи соблазняютъ своего брата (Римл. XIV, 15) и онъ лучше желалъ бы не ѣсть мяса въ продолженіе всей жизни, чѣмъ чрезъ это дать прѣткновеніе своему брату (I Кор. VIII, 13). Но, если Церковь въ позднѣйшія времена получила въ этомъ отношеніи

положительныя опредѣленія, то каждому порознь отнюдь не должно принадлежать право, при указаніи на апостола Павла, освобождать себя отъ всеобщаго правила, потому что такого правила не существовало во времена Павла и такъ какъ оно введено всею Церковію, то и всякое его видоизмѣненіе должно выходить опять также только отъ всей церкви.

Впрочемъ, Церковь отнюдь не постановила этого правила безъ исключенія. Она разрѣшаетъ больныхъ и немощныхъ отъ обязательства слѣдовать ему, и дозволяетъ имъ, и во время поста, принимать такую пищу, какой требуетъ ихъ состояніе здоровья. Поэтому равно долженъ быть отвергнутъ извѣстный образъ воззрѣнія, совершенно противоположный протестантскому, ибо онъ, съ другой стороны, не менѣе, а быть можетъ еще далѣе переходить за вѣрную средину. Это пусто-святное направленіе придаетъ посту такое значеніе, какого онъ, по ученію церкви, не имѣетъ и не долженъ имѣть. Оно превращаетъ постъ изъ простаго средства, чѣмъ онъ долженъ быть, по мнѣнію церкви, въ цѣль, дѣлаетъ, по избранному имъ самимъ домостроительству спасенія, строжайшее соблюденіе поста, при всѣхъ обстоятельствахъ, необходимымъ условіемъ (*conditio sine qua non*)— и думаетъ чрезъ это службу приносить Богу! Въ жизни мнѣ встрѣчались лица, которыя даже въ болѣзняхъ, требующихъ непременно болѣе крѣпкой пищи, съ упорствомъ однако твердо стояли за употребленіе постной пищи, какъ будто отъ этого зависѣло ихъ вѣчное спасеніе, между тѣмъ какъ, безъ особеннаго отягченія своей совѣсти, давали свободное теченіе столь многимъ безобразіямъ языка и сердца. Это фарисейство достойно всякаго порицанія, потому что оно въ точномъ соблюденіи внѣшнихъ церковныхъ установленій полагаетъ исполненіе главной обязанности христіанина и, сверхъ того, не радитъ о внутреннемъ очищеніи сердца, даже думаетъ, что за свои нравственные недостатки, можетъ найти снисхожденіе и прощеніе тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяетъ дисциплинарнымъ правиламъ Церкви. Но «сіе надлежало дѣлать, и того не оставлять» (Матѣ. XXIII, 23. Лук. XI, 42), равно какъ и всегда помнить,

что «Богъ милости хочетъ, а не жертвы» (Матѣ. IX, 13; XII, 7).

Строже, чѣмъ противъ этого налагаемаго Церковію дисциплинарнаго подвига, реформаторы были противъ того самими христіанами избираемаго подвижничества, которое привело къ отшельничеству и монастырской жизни. Это (подвижничество) они совсѣмъ отвергли, и притомъ съ такою неуважительностію, которая можетъ найти свое объясненіе только во множествѣ и всеобщности распространившихся злоупотребленій монастырской жизни. Но они не сумѣли оцѣнить того психологическаго основанія, изъ котораго произошла монастырская жизнь, и которое такъ глубоко коренится въ человѣческомъ сердцѣ, что это, запрещенное подь опасеніемъ наказанія, стремленіе снова получило силу, хотя подь другою формою, даже среди протестантской Церкви. Монастырская жизнь, въ данныхъ обстоятельствахъ, соотвѣтствуетъ неотразимымъ потребностямъ вѣрующихъ душъ; она соотвѣтствуетъ тѣмъ состояніямъ души, которыя Церковь обязана принимать въ расчетъ. Весьма опасно, особенно въ религіозныхъ вещахъ, желать, чтобы все было острижено подь одну гребенку! Руководства душъ по необходимости различны и духовныя потребности ихъ внутренней, въ Бозѣ сокрытой, жизни едва ли могутъ быть когда нибудь подведены подь одно общее правило. Что достаточно для одного, то неудовлетворяетъ еще потребностей другаго. Христіанинъ долженъ и можетъ быть, конечно, въ мірѣ, не будучи, однако, отъ міра; онъ можетъ вѣрно и честно исполнять обязательную для него поденную работу, не будучи обязанъ ради этого также согласоваться съ мірскимъ мышленіемъ и стремленіемъ людей, настроенныхъ мірскимъ образомъ. Но есть также натуры, которыя не могутъ безопасно пройти между этими противоположностями; есть натуры, на которыя непріятно дѣйствуетъ дѣловое обращеніе на шумномъ торжищѣ жизни, которыя имѣютъ надобность въ тихомъ уединеніи, дабы преуспѣвать внутренно и желать высшаго, чѣмъ то, что даетъ имъ государственно установленное устройство общины. Неужели ихъ потребности не должны найти никакого вниманія? Церковь есть «тѣло Христово»; но не каждый членъ

тѣла долженъ завѣдывать одинаковыми отправленіями, и повидимому страдательные члены не менѣе необходимы для органической экономіи, какъ и находящіеся въ непрерывномъ дѣйствіи. Такъ, еслибы всѣ члены были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло? Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе (I Кор. XII, 19. 21. 22).

Гражданское общество зиждется и сохраняется, безъ сомнѣнія, посредствомъ семейной жизни. Создать для себя семью, трудиться усердно, питать себя и своихъ честно и присоединять дѣтей къ полезнымъ гражданамъ — вотъ общее призваніе человѣка! На этомъ твердомъ основаніи развиваются промышленность и торговля, искусства и науки, которыя всѣ могутъ приносить прекрасные плоды, если занимаются ими для славы Божіей и для блага ближнихъ. Но, какъ гражданское званіе, само въ себѣ, не исключаетъ вѣрной жизни въ Богѣ, такъ и съ другой стороны, подлинный духъ христіанскій доселѣ еще не проникъ и не освятилъ нашихъ соціальныхъ обстоятельствъ, и вѣрующій христіанинъ, исправляющій свою должность въ мірѣ каждодневно наталкивается на такія вещи, которыя могутъ возмутить его внутренній миръ, подвергнуть искушенію его вѣрности и ввести его въ заблужденіе. При такихъ обстоятельствахъ, ужели станутъ порицать глубоко чувствующія, не находящія въ себѣ никакого призванія къ семейной жизни сердца, если онѣ, чувствительно тронутыя, подобно растеніямъ — недосягаемыя, — соблазнами міра, ищутъ монастырскаго уединенія и непрестанною молитвою съ умомъ, обращеннымъ исключительно къ небу, и втайнѣ совершаемыми дѣлами милосердія, благочестивою созерцательностію и аскетизмомъ желаютъ служить Господу и спасти свою душу отъ сѣтей искушителя? Или, ужели станутъ запираеть такое убѣжище предъ тѣми душами, которыя, послѣ бѣдственной жизни, уязвленные горькими опытами и горестными потерями, послѣ многихъ не сбывшихся надеждъ, обманутыхъ ожиданій, не оцѣненныхъ намѣреній, употребленнаго во зло довѣрія, желаютъ отъ странствованія по

бурному морю жизни бѣжать въ тихую пристань созерцательнаго покоя?

Я хорошо понимаю, какъ трудно для протестантскаго образа воззрѣнія очутиться въ этомъ ходу идей. Съ матернимъ молокомъ — такъ сказать — всосанныя предубѣжденія держатся твердо, и преодолѣваются не легко. Особенно кажущееся бездѣйствіе, сопряженное съ монастырскою жизнію, равно какъ совершаемый при этомъ аскетизмъ составляютъ для этого образа воззрѣнія камень преткканія. Какъ, съ одной стороны, въ монахѣ онъ видитъ ханжу — празднолюбца, такъ, съ другой стороны, онъ не хочетъ давать значенія никакому другому умерщвленію плоти, кромѣ чисто духовнаго, которое совершаетъ воля, укрѣпленная молитвою.

Мѣродательнымъ авторитетомъ для него въ этомъ отношеніи служить Лютеръ, который въ умерщвленіи плоти и въ строгости монастырской жизни искалъ, но не нашелъ мира съ Богомъ. Онъ ожидалъ отъ аскетизма того, чего онъ не можетъ дать и не хочетъ и не долженъ давать. Миръ съ Богомъ и нашею совѣстію поражается животворящею вѣрою, безусловною преданностію сердца Господу. Таково древнее ученіе Церкви, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ Отцы Церкви, какъ оно существовало также и въ римско-католической Церкви, хотя злоупотребительная практика многократно скрывала его отъ взоровъ, и когда Лютеръ вытацилъ его изъ сора человѣческихъ учреждений, то нашелъ и миръ съ Богомъ, ибо теперь онъ пошелъ по вѣрному пути для отысканія этой драгоценности. Итакъ аскетизмъ не можетъ и не хочетъ ни примирить съ Богомъ, ни создать для человѣка заслугу предъ Богомъ, онъ хочетъ только служить для вѣрующаго просто вспомогательнымъ средствомъ къ удержанію движеній упорной плоти, къ приобрѣтенію духу господства надъ тѣломъ и его беспорядочными вожделѣніями. Да, только тогда, когда душа нашла миръ съ Богомъ, аскетизмъ будетъ въ состояніи развить свою полную дѣйственность; онъ будетъ вести все къ болѣе тѣсному общенію съ Богомъ, чѣмъ болѣе онъ сокращаетъ стѣснительныя оковы плотскихъ движеній, и наконецъ,

онъ сдѣляетъ душу чистымъ, гладкимъ зеркаломъ, въ которомъ безъ преломленія могутъ отражаться свѣтлыя звѣзды неба.

Духовная потребность, приведшая въ католической Церкви къ монастырской жизни, такъ глубоко положена въ человѣческомъ сердцѣ, что сѣумѣла проложить себѣ путь и въ протестантской Церкви, хотя здѣсь явилась подъ другою формою, подъ формою піэтизма. Это направленіе, которому предавались въ протестантской Церкви, именно болѣе серьезныя, глубоко возбужденныя сердца, есть также выдѣленіе изъ великой общины, есть церковка (ein Kirchlein) въ Церкви, хотя оно не укрывается и не заключается за каменныя стѣны. Неудовлетворенный общими назидательными средствами, предлагаемыми Церковію всей общинѣ, глубоко пораженный сознаниемъ человѣческаго растлѣнія и понуждаемый требованіемъ болѣе исключительной преданности Господу, чѣмъ сколько позволяютъ это обыкновенныя житейскія обстоятельства, піэтистъ выдѣляется изъ великой толпы и въ почти исключительномъ обращеніи съ единомышленниками, въ общихъ съ ними часахъ назиданія и въ строгомъ удаленіи отъ міра, старается приобрѣсть свое спасеніе и вѣрою и чистосердечіемъ послужить Господу. Даже извѣстный аскетизмъ не чуждъ піэтизму, такъ какъ сей послѣдній отказываетъ себѣ во многихъ наслажденіяхъ, которыя веселятъ жизнь, но которыя онъ отвергаетъ, потому что онѣ, какъ ему кажется, подвергаютъ опасности чистоту души, отвращаютъ сердце отъ Господа.

Безспорно и это направленіе имѣетъ свое полное право, насколько оно соотвѣтствуетъ искренно чувствуемой, неотразимой потребности сердца, и должно быть признано всякимъ честнымъ христіаниномъ, хотя бы онъ и не считалъ долгомъ слѣдовать ему. Піэтизмъ имѣетъ несомнѣнную заслугу даже для протестантской Церкви, потому что часто уже, во времена равнодушія, во времена свѣтскости христіанской жизни, онъ составлялъ вожделѣнный сборный пунктъ, около котораго могли толпиться разсѣянные вѣрующіе элементы; онъ высоко держалъ знамя креста предъ раціоналистическою плоскостію, и въ охладѣвшія сердца вливалъ новое христіанское настроеніе. О, христіанское обще-

ство едва ли предчувствуетъ, сколько оно должно быть обязано, быть можетъ, молитвѣ благочестивыхъ монаховъ и вѣрныхъ пѣтистовъ, которые въ тихомъ уединеніи призывали милосердіе Господа на вѣроломный родъ и желали удержать Его карающую десницу; — ибо очи Господни на праведныя, и уши его въ молитву ихъ (Ис. XXXIII, 16).

Но, къ сожалѣнію, медаль имѣеть, конечно, и обратную сторону! Монастыри, служившіе сначала убѣжищемъ для благочестивыхъ сердецъ, укрѣплявшіе христіанское настроеніе народа и заботившіеся даже о наукахъ, на Западѣ пришли въ упадокъ, тѣмъ болѣе, что монашескіе ордена папское властолюбіе сдѣлало смѣтливими орудіями для его самовластныхъ цѣлей, небесные интересы были болѣе и болѣе вытѣсняемы и поглощаемы интересами земными. Но и на Востокѣ монастыри болѣе или менѣе лишились своего первоначальнаго достоинства. Ихъ не населяетъ уже болѣе глубоко чувствуемое призваніе, исключительно небу преданное настроеніе, но часто въ ихъ стѣнахъ, прячется порочная праздность. Точно также въ нашихъ пѣтистическихъ кружкахъ внѣшней видимой формѣ, къ сожалѣнію, не всегда соответствуетъ искреннее настроеніе сердца, и этотъ пустой, бессодержательный видъ приноситъ дѣлу Христову тѣмъ болѣе вредъ, что невѣрующимъ или полувѣрующимъ даетъ извѣстное право упрека, который они, съ злораднымъ торжествомъ, не ограничиваютъ достойными порицанія личностями, но не колеблются дѣлать святому дѣлу самой религіи. Посему если требовать истины и вѣрности въ словѣ и дѣлѣ уже необходимо отъ христіанина вообще, то совершенно особенно отъ всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ исключительное положеніе, и къ которымъ, изъ участія или по подозрѣнію, направлень наблюдательный взоръ толпы.

Но, даже при неоспоримой искренности настроенія, недостатокъ въ любви и терпимости къ иномыслящимъ имѣеть неисчислимыя вредныя послѣдствія для царства Божія на землѣ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе виновно именно пѣтистическое направленіе въ нашей Церкви. Его суровое выступленіе противъ «міра,» отверженіе всякаго христіанскаго настроенія, не

выступающаго съ такою виѣшнею осанкою, какую оно само приняло, пуританская строгость, съ какою оно судить о вѣсѣхъ общественныхъ обстоятельствахъ, и въ которой заключается такъ много горечи, дѣлаетъ врагами его не только свѣтскихъ людей, но отчуждаетъ отъ него и христіански настроенныя сердца, которыя чувствуютъ себя оттолкнутыми отъ такого духовнаго высокомѣрія. Такой упрекъ гораздо менѣе касается монаховъ въ католическихъ Церквахъ. Они сознаютъ свое исключительное положеніе, и весьма далеки отъ того, чтобы требовать отъ христіанъ, живущихъ въ мірѣ, тойже самой аскетической строгости, встрѣчаютъ ихъ скорѣе съ терпимостію и не отказываютъ имъ въ своемъ духовномъ совѣтѣ и заступленіи. А гдѣ и у нихъ находится духовное высокомѣріе, тамъ, по вышеприведенной причинѣ, дѣйствуетъ оно, однакожъ, не такъ оскорбительно на прочихъ христіанъ. Напротивъ, піетистъ, къ сожалѣнію, весьма часто воображаетъ, что его направленіе есть единственно истинное выраженіе христіанства, и что всякій, истинно любящій Господа, долженъ присоединиться къ нему. Отсюда и не уваженіе къ всякому обнаруженію христіанской жизни, не носящему его колорита, и суровое отверженіе всякаго отступающаго образа воззрѣнія.

Поэтому съ своей стороны, я могу только сожалѣть, что наша Церковь не удержала учрежденія монастырей, — разумѣется перемѣнивъ то, что должно перемѣнить. Черезъ это можно было бы избѣжать многихъ соблазновъ. Церковь обязана принимать въ расчетъ тѣ духовныя потребности, которыя вызвали въ жизнь піетистическое направленіе. Но, удовлетворяя его, она должна и наблюдать за нимъ и управлять имъ, дабы въ ея лонѣ не возникли инородные элементы, ускользающіе отъ ея вліянія. Католическія церкви черезъ свои монастыри позаботились объ этихъ потребностяхъ, но такъ, что сдѣлали ихъ (монастыри) зависимыми отъ своего управленія и ведутъ непрерывный контроль надъ монастырскою практикою. Напротивъ, протестантская Церковь, отвергнувъ монастыри и, сверхъ общихъ церковныхъ потребностей всей общины, не желая дать значенія никакимъ другимъ особеннымъ, должна быть обязана

самой себѣ, что въ ея лонѣ вскорѣ потомъ возникли направленія, болѣе или менѣе ускользящія отъ ея управленія. Ибо піэтизмъ, чѣмъ болѣе расходится по крайнимъ путямъ, тѣмъ все совершеннѣе освобождается отъ церкви, не хочетъ болѣе подчиняться ея авторитету и неудержимо ведетъ къ сектаторству и къ тайнымъ сборищамъ.

Есть еще аскетизмъ, о которомъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть, но для оцѣнки котораго мы, однако, не имѣемъ болѣе никакого вѣрнаго мѣрила—это аскетизмъ, ведущій въ таинственныя области глубочайшаго созерцанія, религіознаго восхищенія и видѣнія, ослабляющій союзъ тѣлесности до той степени, гдѣ матеріальная жизнь принуждена слѣдовать высшимъ, необыкновеннымъ законамъ и гдѣ духъ подымается въ тѣ области, въ которыхъ онъ созерцаетъ небесныя вещи и вступаетъ въ блаженное общеніе съ неземными сферами. Съ точки зрѣнія трезвой разсудительности, въ которой мы движемся, не могутъ быть обсуждаемы такія состоянія, равно какъ и аскетизмъ, къ нимъ ведущій, точно также какъ нога, долженствующая ходить по земной пыли, и рука, имѣющая совершать поденную работу для тѣлесныхъ потребностей житейскихъ, не могутъ судить о гармоніи звуковъ, восхищающихъ ухо, или о великолѣпннхъ цвѣтовъ, увеселяющихъ глазъ. Однакожь и глазу, надлежащимъ образомъ вооруженному, открывается міръ новой жизни, о которомъ онъ — не вооруженный — не имѣлъ никакого предчувствія, и гдѣ онъ думаетъ, что пришелъ уже къ рубежу всякой жизни!

Такія состоянія суть водительства божественной благодати, которыя выступаютъ далеко за предѣлы обыкновеннаго призванія христіанъ. Но онѣ суть также и путь, исполненный терній и опасностей, ведущій къ головокружащей высотѣ, и надобно убѣдительноше предостерегать отъ дерзости желать искусственно ввинтить себя въ такія состоянія — безъ истиннаго призванія и чрезъ самоизбранный аскетизмъ! Только при великомъ смиреніи и полной преданности самихъ призванныхъ, равно какъ при мудрой осмотрительности духовныхъ руководителей, обязанныхъ управлять ими, души могутъ безопасно ходить по этимъ высотамъ. Но тогда онѣ суть также прелестныя цвѣты

на деревѣ Церкви, самимъ Господомъ призванные будильные голоса въ пустынѣ житейской, могущіе сильно возбудить умирающую вѣру, и крѣпко поднять къ небесному взору, опущенный къ земному. Кто когда нибудь имѣлъ счастье быть свидѣтелемъ такихъ явленій, тотъ охотно признается, какое глубокое впечатлѣніе онѣ сдѣлали на него, сколько онѣ укрѣпили его вѣру, очистили его умъ.

Со стороны протестантскихъ богослововъ такія состоянія находятъ, по большей части, обсужденіе не любвеобильное. Ведущій къ сему аскетизмъ есть для нихъ негодное мученіе самаго себя; въ самыхъ явленіяхъ они хотятъ видѣть только ткань оболъщенія и обмана. Отрицающій разумъ послѣдовательнаго протестанта дѣйствительно и не можетъ вывести этого на чистоту*).

При такихъ чрезвычайныхъ состояніяхъ, мы обязаны вообще тѣмъ къ большей осторожности въ нашемъ сужденіи, что, для правильной оцѣнки ихъ, у насъ нѣтъ всѣхъ положительныхъ точекъ опоры, и замѣчаемыя у нихъ явленія принадлежатъ къ такой сферѣ, которая выходитъ далеко за нашъ горизонтъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, наиприличнѣе составлять наши заключенія a posteriori, помня золотое правило: оцѣнивать доброту дерева по свойству его плодовъ. И гдѣ въ этихъ, по столь чрезвычайнымъ путямъ, водимыхъ душахъ мы замѣчаемъ неподдѣльное сердечное смиреніе, искреннюю любовь ко Господу и къ ближнему, равно какъ безусловную преданность въ святую волю Божію и полное послушаніе къ ихъ духовнымъ начальникамъ и руководителямъ, тамъ мы будемъ имѣть, конечно, право дѣлать благопріятное заключеніе о добротѣ дерева, приносящаго такіе плоды, и о здоровьи корня, изъ котораго оно выросло.

*) За сямъ авторъ опровергаетъ критику, направленную противъ римско-католической мощахини Екатерины Эммерихъ, созерцавшей страданія Іисуса Христа. Въ нашемъ переводѣ это опроверженіе опущено, какъ до насъ не касающееся.
Пер.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I. Вступительныя разсужденія	1.
II. Священное писаніе и священное преданіе	9.
III. Богослуженіе	17.
IV. Таинства	29.
V. Общеніе святыхъ	63.
VI. Аскетизмъ	79.

Важнѣйшія опечатки.

Напечатано:		Слѣдуетъ читать:
Стран.	Стр. св.	
3	7 духа	Духа
4	1 римскія	римскіе
—	10 теченіи	теченіе
—	15 совершенно	совершенно
10	21 теченіи	теченіе
11	10 послѣдующіе	послѣдующія
— *)	Die orthodoxe § 47	Die orthodoxe katholische Anschauungsweise im Gegensatze zum Papstthum und Jesuitismus, wie zum Protestantismus von Prof. Dr. Theolog. und Philos. J. J. Overbeck. Halle a./S. 1865.
17	21 Господѣ	Господѣ
18	8 повинутся	повинуются
19	6 устройствѣ	устройствѣ
—	11 (каоолическую,	(каоолическую)
—	20 есть духовное	есть одно духовное
—	30 таинство	таинства
21	9 приѣмствѣ	преемствѣ
—	35 опредѣляющіе и исчерпывающіе	опредѣляющіе исчерпывающимъ образомъ
23	15 Писаніе	Писанія
25	20 ими	имъ
26	23 не брегуть	небрегутъ
—	25 потопѣ	потокѣ
27	7 своей	Своей
28	19 сдѣлалась	сдѣлалось

Ast -
A-10376
9443

Цѣна 50 коп., съ перес. 60 к.
